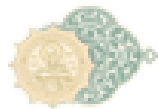

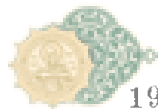
Нравственность древняго греческаго народа.

Переходя съ восточной территоріи на территорію греческую (западную), мы вступаемъ въ новый духовный міръ. А съ новыми направленіями и взглядами въ духовной жизни вообще связаны, естественно, новыя направленія и новыя взгляды и въ нравственной жизни. Какіе же? Высшіе или низшіе? Греція или древній Западъ пошелъ впередъ сравнительно съ Востокомъ, или назадъ? Нѣкоторые изслѣдователи исторіи религій и нравственности ставятъ восточный монотеизмъ (брамаизмъ) выше греческаго политеизма (напр., Крейцеръ); буддійскую нирвану и вообще индійскій пессимизмъ ставятъ выше греческой калокагаѳіи и вообще греческаго оптимизма (напр., Шопенгауеръ). Другіе изслѣдователи, наоборотъ, греческія понятія и греческую жизнь ставятъ такъ высоко, что предпочитаютъ ихъ новѣйшимъ понятіямъ (о долгѣ, правѣ, верховной власти) и христіанской жизни; греческую жизнь считаютъ совершеннѣйшею человѣческою жизнію, къ сожалѣнію искаженною мрачными и сухими предписаніями христіанской аскетики (напр., Целлеръ изъ философовъ, Штраусъ изъ богослововъ, Шиллеръ изъ поэтовъ). Уже аргіогі можно бы предположить превосходство древнихъ западныхъ народовъ предъ восточными народами, если вѣрить въ прогрессъ человѣческаго рода. Возможны въ исторіи разнообразныя уклоненія отъ прямого пути истины, но невозможно, чтобы, по крайней мѣрѣ, относительная истина

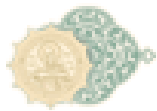
или приближеніе къ ней не нашлось гдѣ-либо въ человѣческомъ родѣ и чтобы прогрессъ не двигался впередъ по звеньямъ группъ историческихъ народовъ. А греко-римскій міръ составлялъ именно звено или группу, съ своеобразнымъ направленіемъ и характеромъ, съ выдающеюся ролью и значительнымъ прибыткомъ въ экономіи народовъ. Цѣнность этого прибытка чувствуется до нашихъ дней, черпающихъ изъ сокровищъ греко-римскаго міра. Но превосходство греческаго народа сравнительно съ восточными народами обнаруживается со всею ясностью, если анализируемъ жизнь и нравственныя понятія этого народа и составимъ на основаніи этого анализа ясное общее представленіе объ этомъ народѣ. Тогда же будутъ видны и недостатки его.

Выражая превосходство греческаго народа пока сравненіями, уподобимъ восточную жизнь неорганической природѣ, а греческую—органической. Хотя и въ неорганической природѣ наблюдаются постоянное движеніе и измѣненія, напоминающія жизнь, но движенія и измѣненія ея чисто механическаго свойства; составъ и формы предметовъ образуются здѣсь посредствомъ внѣшнихъ соединеній и простыхъ напластаній. Организмъ же развивается и живетъ не иначе, какъ изнутри себя посредствомъ жизненной силы, и всѣ части или органы его находятся во внутреннемъ живомъ взаимоотношеніи. Или уподобимъ жизнь восточную отправлениямъ памяти, запоминающей предметы и неизмѣнно сохраняющей ихъ въ себѣ, и фантазіи, создающей образы, нерѣдко фантастическіе, а жизнь греческую—отправлениямъ разсудка, здраво разсуждающаго о предметахъ, и разума, производящаго идеи. Или если сравнимъ исторію народовъ съ исторіей единичныхъ лицъ, то восточную жизнь должны уподобить дѣтству, оковывающемуся и опьяняющемуся непосредственными чувственными впечатлѣніями и создающему несоразмѣрныя представленія о предметахъ, а жизнь греческую—юношеству,

продолжающему свободную самостоятельную жизнь и создающему идеалы.

Ни одинъ народъ не начинаетъ своей жизни ex abrupto; и не продолжаетъ онъ ея, не вступая во взаимоотношенія съ другими народами. Потому естественно предположить, что и греческій народъ былъ связанъ, быть можетъ, множествомъ нитей съ восточными народами. Исторія прямо говоритъ, что греческая культура родилась на почвѣ пеласгической культуры. Но нельзя, съ другой стороны, думать, что греческая жизнь есть простое продолженіе восточной жизни, только пересаженное на другую почву; нельзя думать, что она не есть новое твореніе. Энергія и оригинальность греческой жизни не позволяетъ этого. Онѣ заставляютъ насъ предполагать, что греческій народъ носилъ въ себѣ новое зерно для оплодотворенія. Нельзя повтому удовлетвориться объясненіемъ свойствъ и успѣхности греческой культуры благопріятными внѣшними условіями греческой жизни. Эти условія, конечно, содѣйствовали успѣхамъ греческой жизни. Въ климатическомъ отношеніи вмѣсто азиатской и африканской тропической жары наблюдаемъ въ Греціи умѣренность, смягчаемую влажными притоками воздуха съ моря и снѣжныхъ горъ и противодействующую органическому разслабленію. Чистота атмосферы и свѣтлый небесный горизонтъ вызывали въ грекѣ свѣтлое настроеніе духа и давали ему возможность жить почти всегда подъ открытымъ небомъ и этимъ поддерживать въ себѣ бодрость. Въ географическомъ отношеніи вмѣсто широкихъ и одноформенныхъ восточныхъ равнинъ, убаякивающихъ духъ монотонностію своею въ томную дремоту, и вмѣсто громаднѣйшихъ массъ непереходимыхъ горъ наблюдаемъ въ Греціи множество морскихъ заливовъ и острововъ, вызывающихъ энергію и предпримчивость, и множество горныхъ хребтовъ, благопріятствующихъ образованію индивидуальныхъ особенностей различныхъ племенъ греческаго народа и созданію множества мелкихъ государствъ,

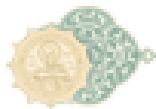

состязавшихся въ развитіи общественныхъ началъ жизни. Почва Греціи была настолько плодородна, что незначительный трудъ вознаграждалъ обиліемъ земныхъ плодовъ, и, слѣдовательно, оставалось достаточно времени и для заботъ не о хлѣбѣ. Но при всемъ томъ было бы недалековидно и слишкомъ смѣло утверждать, что характеристическія черты греческой культуры и жизни опираются на таковомъ основаніи. Корни ихъ лежатъ глубже, въ индивидуальныхъ особенностяхъ греческаго народа. Въ противномъ случаѣ почему при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ жизнь въ Спартѣ сложилась не такъ, какъ въ Афинахъ? А различія характера и направленія жизни тамъ и здѣсь никто не станетъ отрицать. Или почему при благопріятныхъ условіяхъ нынѣшніе обитатели Греціи погрязаютъ, можно сказать, въ невѣжествѣ по сравненію съ великими предшественниками своими? Индивидуальныя же особенности греческаго народа заключались въ необыкновенной способности его къ развитію, въ живой творческой фантазіи, въ той непосредственности ощущеній и произведеній, которыми характеризуется гений.

Обладая удивительною способностью къ развитію и гениальностью, греки въ самое короткое время прошли тотъ кругъ образованія, который восточные народы не могли пройти въ огромные періоды времени. Между тѣмъ какъ восточныя государства въ теченіе тысячелѣтій оставались неизмѣняемыми, между тѣмъ какъ китайская, индійская и египетская культуры въ послѣдній періодъ своего существованія имѣютъ почти такой же видъ, какъ и въ первый, государство и культура Греціи измѣняются по годамъ и едва уловимы въ своихъ измѣненіяхъ. Не сотни, а десятки лѣтъ прошли отъ Фалеса и другихъ іонійскихъ философовъ до Платона и Аристотеля; между тѣмъ какая огромная разница между дѣтскими натурфилософскими попытками первыхъ и глубокими и грандіозными системами послѣднихъ! Не больше времени протекло и отъ созданія статуй въ такъ

называемомъ „эгинскомъ“, или „архаическомъ“ вкусъ до появленія на свѣтъ Фидіевыхъ Зевса Олимпійскаго и Аѳины Дѣвственницы; а между тѣмъ какая огромная разница между полувосточными (египетскими) безжизненными формами эгинскихъ статуй и очаровательными формами Фидіевыхъ, воплотившихъ въ себѣ идеалы, какіе когда-либо былъ въ состояніи воплотить въ мраморѣ художническій гений! Или въ какое непродолжительное время греческая нація переиспытала всевозможные виды государственнаго управленія и общественнаго устройства, начиная съ неприкосновеннаго достоинства царскаго и оканчивая самую свободною властію демократіи! Или какъ быстро совершилась колонизація грековъ, распространившая вокругъ жизнь и культуру! Пришедши однажды въ движеніе, греческій духъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не исчерпалъ жизнь по всѣмъ возможнымъ для древняго человѣка сторонамъ и направленіямъ, и потому навсегда заслужилъ грекамъ титулъ „мірового“, всеобъемлющаго народа.

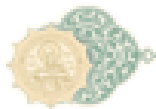
Разнообразіе и сложность греческой жизни доставляютъ историку богатый матеріалъ для изслѣдованія, но въ то же время затрудняютъ и осложняютъ его задачу. Затруднена и осложнена поэтому задача и изслѣдователя нравственной стороны греческаго народа. Занимаясь восточными народами, можно ограничиваться изображеніемъ общаго типа нравственной жизни каждаго изъ нихъ, лишь кое-гдѣ дѣлая кое-какія замѣчанія о небольшихъ измѣненіяхъ колорита его въ ту или другую эпоху, въ той или другой мѣстности; распространяться объ этихъ измѣненіяхъ нѣтъ надобности въ виду инертности восточной жизни. И греческій народъ, какъ и всякій другой, имѣетъ свой общій типъ, характеризующій его историческую жизнь; и чѣмъ оригинальнѣе народъ, тѣмъ рельефнѣе можетъ быть выраженъ этотъ типъ. Но типъ греческаго народа выразился столь разнообразными красками, столь разнообразными смѣшеніями красокъ, столь различными

степенями разжиженія и сгущенія ихъ, на столь различномъ фонѣ, что для полной и вѣрной характеристики этого народа нельзя удовлетвориться изображеніемъ жизни его въ одинъ какой-либо моментъ времени, или въ одномъ какомъ-нибудь округѣ греческой территоріи, хотя бы этотъ округъ былъ Аѳинскій, а надобно прослѣдить исторію постепеннаго развитія и измѣненій нравственныхъ воззрѣній и нравственной жизни греческаго народа и обнять своимъ изображеніемъ всѣ нужные для цѣли нравственнаго изслѣдователя уголки испещреннаго горными хребтами материка и разсѣянныхъ по безбрежному морю острововъ Греціи. Усложняется задача нравственнаго изслѣдователя и отношеніемъ между теоріей и практикой греческаго народа и характеромъ первой. Отношеніе между ними сложнѣе и эластичнѣе здѣсь, чѣмъ у восточныхъ народовъ. У восточныхъ народовъ религіозно-нравственный реформаторъ издаетъ опредѣленный кодексъ нравственныхъ предписаній (основанныхъ на религіозной метафизикѣ его) и требуетъ точно соображаться съ нимъ въ жизни; слѣдовательно, здѣсь теорія опредѣляетъ практику. Въ Греціи усматривается обратное отношеніе; здѣсь практика опредѣляетъ теорію. Иначе и не могло быть при живости, наивности и геніальности греческаго народа. Но, съ другой стороны, въ Греціи мы встрѣчаемся съ тѣмъ особеннымъ, въ высшей степени важнымъ явленіемъ, которое даетъ намъ возможность говорить не только о нравственности, но и о нравственной наукѣ или этикѣ. Хотя и наука греческая носитъ общую печать греческаго генія и греческой жизни, хотя и самыя идеальныя и отвлеченныя произведенія челоука греческаго духа не въ состояніи избѣжать того, чтобы на нихъ не отобразились въ извѣстной степени время и мѣстность ихъ происхожденія, но, тѣмъ не менѣе, когда теорія получила научный характеръ, она могла болѣе или менѣе отрѣшиться отъ жизни и идти самостоятельнымъ путемъ и въ своемъ особенномъ направленіи могла также, въ свою очередь,

влиять на жизнь и сообщать ей свойственное себѣ направление, давать толчки и вызывать новые повороты въ жизни. Что греческая философія болѣе или менѣе отрѣшалась отъ жизни и стремилась пролагать новые пути—это не подлежитъ сомнѣнію, какъ не отдѣлимое отъ понятія науки; а что она производила вліяніе на жизнь—это вѣрно, прежде всего, по отношенію къ тѣмъ кружкамъ, которые образовывались вокругъ философовъ; вѣрно, затѣмъ, въ извѣстной степени и по отношенію ко всему греческому народу, коль скоро, напр., Сократъ даже поставилъ своею задачею извести философію на рынокъ. Слѣдовательно, нравоучитель долженъ прослѣдить какъ исторію нравственной жизни, такъ и исторію нравственной науки въ Греціи и показать силу и характеръ вліянія какъ жизни на теорію и науку, такъ и науки на жизнь.

Осуществленіе этой сложной задачи было бы невозможно, если бы современная наука имѣла въ распоряженіи своемъ столь же бѣдныя средства для познанія нравственной жизни греческаго народа, какія имѣетъ для познанія нравственной жизни восточныхъ народовъ. Но источники свѣдѣній о греческой нравственности гораздо богаче источниковъ свѣдѣній о нравственности восточной. Превосходство грековъ по сравненію съ восточными народами сказалось въ томъ, что они отображали свою жизнь въ такихъ памятникахъ, которые не подвержены разрушающему вліянію физическихъ стихій и выражаютъ ее болѣе или менѣе полно и законченно. Разумѣемъ прежде всего греческую исторію, т. е. сочиненія греческихъ исторіографовъ. Если свѣдѣнія о нравственной жизни восточныхъ народовъ приходится заимствовать изъ лаконическихъ надписей на камняхъ, изъ случайныхъ замѣчаній о народѣ чужеземныхъ писателей, изъ народныхъ сагъ и преданій, то въ исторіографіяхъ Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Плутарха находимъ связные очерки греческой жизни. И въ очеркахъ этихъ не только излагаются факты, но и высказываются сужденія и вообще налагается на исторію

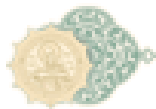
своеобразная характеристическая печать, освѣщающая предметъ все съ новой стороны. Если Геродотъ смотритъ на исторію съ идеальной точки зрѣнія, то Фукидидъ группируетъ факты исторіи прагматически; если Ксенофонтъ изображаетъ греческую жизнь чрезвычайно просто и удивительно наглядно, то Плутархъ передаетъ результаты долгихъ разсужденій по нравственнымъ вопросамъ различныхъ философскихъ школъ; и не только въ нравственныхъ сочиненіяхъ, но и въ „жизнеописаніяхъ“ его нравственная точка зрѣнія господствуетъ. Изъ другихъ отраслей литературы большое значеніе имѣетъ греческая поэзія. Поэты считались у грековъ народными учителями; это и естественно при идеальномъ направленіи этого народа; и произведенія греческихъ поэтовъ отличаются какъ богатствомъ формъ или родовъ, такъ и разнообразіемъ воззрѣній на міръ и жизнь, дающимъ возможность прослѣдить исторію нравственныхъ понятій и жизни греческаго народа. Существуютъ и эпосъ Гомера, и дидактика Гезіода, и лирика Пиндара, и трагедія Эсхила, Софокла и Эврипида, и комедія Аристофана. Богатство этихъ произведеній нравственнымъ содержаніемъ подало поводъ Шмидту, глубокому знатоку греческой этики, сдѣлать слѣдующее замѣчаніе о Софокловыхъ трагедіяхъ: „если бы кромѣ этихъ трагедій мы не имѣли никакихъ литературныхъ памятниковъ греческихъ, то изъ нихъ однихъ мы могли бы вполнѣ узнать, какіе взгляды имѣла лучшая часть греческой націи на справедливость и обманъ, на необходимость подчиненія божественной волѣ, на родительскія права и дѣтское послушаніе, на отношенія между братьями и сестрами и супругами“¹⁾). Или сколь глубокіе и сколь

¹⁾ Die Ethik der alten Griechen, 1 Bd., 1882, s. 16.—Шмидтъ указываетъ и на нѣкоторые затрудненія при пользованіи греческими драмами въ нравственно-историческомъ интересѣ (s. 14 и 15).

многочисленные религиозно-нравственные вопросы рѣшаетъ Эсхилъ! Окажетъ долю услуги и ораторство, достигшее у грековъ высокой степени развитія, благодаря республиканскому обычаю ихъ обсуждать публично, на площади, всѣ государственныя и судебныя дѣла и врожденному стремленію грековъ къ краснорѣчію. Да притомъ каждый изъ ораторовъ сообщаетъ содержанію и направленію своихъ рѣчей кое-что особенное, освѣщающее греческую жизнь съ различныхъ сторонъ. Что находимъ у Демосѣна, величайшаго изъ ораторовъ древняго міра, того не найдемъ у Антифона, и наоборотъ; что находимъ у Лизія, того не найдемъ у Исея, и наоборотъ; а въ рѣчахъ Исократа замѣчается уже философская тенденція; какъ языкомъ, такъ и сентенціями онъ напоминаетъ уже моралистовъ-философовъ.

Сочиненія греческихъ философовъ имѣютъ большое значеніе, какъ памятники зарожденія и процвѣтанія у грековъ нравственной науки (этики). Письменные произведенія или остатки Гераклита, Демокрита, Платона, Аристотеля и др., равно свѣдѣнія о философахъ, не оставившихъ письменныхъ памятниковъ или сочиненія которыхъ не дошли до насъ, Ксенофонта (о Сократѣ), автора „Золотыхъ изреченій“ (о пифагорейцахъ), Діогена Лаерція, Стобея и Плутарха (о стоикахъ) и др. суть неоцѣнимые показатели попытокъ чело-вѣческаго разума разрѣшить и систематизировать вопросы какъ бытія, такъ и жизни, т. е. нравственные, и постепеннаго развитія нравственной философіи.—Многіе жалуются на недостаточное количество дошедшихъ до насъ литературныхъ памятниковъ греческихъ; но ихъ достаточно для того, чтобы составить опредѣленный и законченный очеркъ нравственныхъ воззрѣній и нравственной жизни греческаго народа.

Мы сказали, что невозможна была бы характеристика народа, если бы онъ не отличался какими-либо общими и всегда равными чертами. „Тотъ не былъ бы грекомъ“, выразился Пиндтъ, „кто въ сердцевины всѣхъ своихъ мы-

слей и поступковъ не чувствовалъ бы очарованія гомеровскихъ пѣсней и не относилъ бы къ себѣ предписаній Теогида¹⁾. „Какъ въ политическомъ отношеніи“, сказалъ другой изслѣдователь нравственной жизни народовъ, „рядомъ съ дорическимъ или іонійскимъ племеннымъ чувствомъ пролагало путь и общегреческое національное сознаніе и покрывало первое, такъ и въ нравственномъ отношеніи выработались нѣкоторыя общія черты, господствовавшія въ жизни всего греческаго народа и сообщившія ей отличительную греческую печать“²⁾. И не только различнымъ племенамъ сообщалась эта печать, но, какъ мы сказали выше, и различнымъ степенямъ развитія греческой жизни и различнымъ научнымъ системамъ греческимъ, не исключая системъ Платона и Аристотеля. Элементы этой общей печати и интересуютъ насъ прежде всего и составляютъ предметъ настоящей статьи. А самое первое и самое общее отличіе грековъ отъ восточныхъ народовъ и въ то же время самая общая черта ихъ состоитъ въ освобожденіи грековъ отъ подавляющей массы дикой или опьяняющей физической природы, воплощающей въ себѣ могущественную, всеобъемлющую и всепоглощающую силу божества, и въ направленіи вниманія на человѣка и на его собственныя силы. Греки сознали, употребимъ сравненіе Паскаля, что человѣкъ есть самый слабый тростникъ въ природѣ, но тростникъ мыслящій; и что если бы даже міръ раздавилъ его, то и тогда онъ былъ бы несравненно славнѣе того, что раздавило его, такъ какъ онъ знаетъ бы себя и раздавившее его, между тѣмъ послѣднее ничего не знало бы ни о себѣ, ни о раздавленномъ. Потому форма человѣческаго существованія или принципъ человѣка сдѣлался у грековъ масштабомъ для измѣренія достоинства всего существующаго и началомъ для преобразованія, про-

¹⁾ Тамъ же, s. 3.

²⁾ Циглеръ, *Geschichte der Ethik*, erste Abth., 1882, s. 1.

изведеннаго ими во всѣхъ областяхъ и видахъ существующаго. Прежде всего преобразование это замѣчается въ области религіозной. Между тѣмъ какъ на Востокѣ господствовалъ пантеизмъ, у грековъ господствуетъ политеизмъ и антропоморфизмъ. Вышедши изъ пелластическихъ представлений о божествѣ, имѣвшихъ много общаго съ индійскими религіозными воззрѣніями, греки, въ лицѣ своихъ предстателей—богослововъ Гомера и Гезіода, болѣе и болѣе устраивали натуралистическое понятіе о богахъ, т. е. физическія силу и значеніе ихъ и преимущественную дѣятельность ихъ во вѣншемъ мірѣ, и выводили на передній планъ нравственное понятіе о нихъ, т. е. духовныя силу и значеніе ихъ и преимущественную дѣятельность ихъ въ чедовѣческой исторіи. Особенно ясно можно наблюдать это на Зевсѣ, Аѳинѣ и Аполлонѣ, этихъ главныхъ типахъ греческой міеологіи.

Господство въ греческомъ сознаніи чедовѣческаго принципа сопровождалось весьма важными послѣдствіями для нравственности, такъ какъ оно указывало свойственную ей и плодотворную для нея почву, отсутствовавшую на Востокѣ. На греческой территоріи впервые зародилась идея чедовѣка. Грекъ созналъ свое „я“ или свою личность. А съ идеей чедовѣческой личности полагались начала, съ одной стороны, для индивидуализаціи, а съ другой—для гуманности. Началомъ индивидуализаціи введено греками въ нравственную жизнь древняго міра то начало, которое въ новѣйшее нравовученіе введено Шлейермахеромъ. Между тѣмъ какъ въ нравовученіи Канта нравственный дѣятель является безличнымъ и безправнымъ экземпляромъ категорическаго императива, въ нравовученіи Шлейермахера онъ изображается оригинальнымъ дѣтелемъ, котораго нравственность состоитъ не въ безпрекословномъ исполненіи неизмѣннаго долга, а въ свободномъ творческомъ процессѣ, исходящемъ изъ христіанскаго самосознанія и нравственной настроенности христіанина. Нравственная задача чедовѣка состоитъ въ томъ, чтобы онъ

проникся принципомъ духа, чтобы образовалъ и усвоилъ себя какъ естественную сторону своей собственной личности, такъ и окружающій его міръ, и чтобы, такимъ образомъ, природа сдѣлалась органомъ и символомъ духа. Этими основными положеніями своего нравоученія Шлейермахеръ, очевидно, открылъ широкое поле для нравственности; онъ хочетъ объять нравственную дѣятельностью всѣ человѣческія отношенія къ земному міру; хочетъ освободить нравственность отъ монотонности и отвлеченности и ввести въ нее начало разнообразія и многосторонности, доставить человѣку самый богатый матеріалъ для образованія своей личности. Подобно тому греки, въ отличіе отъ восточныхъ народовъ, освободили себя отъ строгихъ и неизмѣнныхъ предписаній объективнаго закона и стремились создавать нравственность свободно, подъ вліяніемъ естественнаго генія своего; у нихъ практика, какъ сказано уже, предшествовала теоріи. И нравственная задача ихъ состояла въ образованіи такихъ существъ, въ которыхъ тѣлесное и духовное начала находились бы въ полномъ соотвѣтствіи, — такихъ формъ, которыя, по выраженію Шерра, „такъ приставали бы къ содержанію, какъ влажный покровъ пристаётъ къ тѣлу купающейся красавицы“ ¹⁾. А такъ какъ на внѣшній міръ можно смотрѣть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, какъ на распространенное человѣческое тѣло, и чѣмъ древнѣе народъ, тѣмъ больше духъ его былъ связанъ съ природою и дѣйствовалъ за одно съ нею, то греки стремились къ созданію соотвѣтствующихъ содержанію или идеѣ, иначе духу, формъ не только въ самихъ себѣ, но и внѣ себя, въ окружающей природѣ. Если въ наше время стремятся сдѣлать природу орудіемъ духа, то греки стремились сдѣлать ее символомъ духа. Ясно, сколько такимъ стремленіемъ вводилось въ нравственную дѣятельность грека жизни и въ какомъ противорѣчій находилось

¹⁾ Исторія литературы, стр. 86.

это стремление съ всеуничтожающимъ, враждебнымъ всему живому направлениемъ дѣятельности восточнаго челоуѣка. „Религія, служившая въ другихъ мѣстахъ очень часто смерти, въ Греціи обожала жизнь, проповѣдую о землѣ, какъ отечествѣ челоуѣка“¹⁾. А съ идеей гуманности полагалось начало для образованія народнаго права, для сверженія восточнаго деспотизма, для усовершенствованія всѣхъ вообще общественныхъ отношеній челоуѣческихъ, для смягченія и частныхъ отношеній между лицами, особенно когда судьба челоуѣка вызывала состраданіе къ нему.

Если нравственная задача грековъ состояла въ томъ, чтобы сдѣлать природу символомъ духа, чтобы вообще тѣлесное и духовное проникли другъ друга и составили совершенное соотвѣтствіе чувственной формы и сверхчувственной идеи, то очевидно, что идеаломъ ихъ стремленій былъ идеалъ красоты; и принципомъ нравственной дѣятельности ихъ былъ принципъ гармоніи. Какъ весь міръ греки представляли „космосомъ“ (красотою) и какъ Зевса они считали богомъ порядка, такъ и всю челоуѣческую дѣятельность они стремились облечь въ формы прекраснаго. За это говорить уже терминологія. Добродѣтель обозначалась у грековъ словомъ ἀρετή (отъ ἀρέσσω—направляю, дѣлаю пріятное). Формальный законъ или общее правило нравственной дѣятельности обозначалось словомъ σωφροσύνη (что значитъ—благоразумное сохраненіе мѣры во всемъ). Этотъ терминъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ частною добродѣтью или частнымъ видомъ σωφροσύνη, переводимымъ на русскій языкъ словомъ „цѣломудріе“; мы говоримъ о σωφροσύνη, какъ объ общемъ правилѣ или масштабѣ для измѣренія всякаго вида нравственной дѣятельности грека²⁾. А объективный идеалъ или нравственное благо обозначалось у

¹⁾ Тамъ же, стр. 85.

²⁾ Латинское—Ne quid nimis; est modus in rebus.

грековъ словомъ *καλοκαγαθία* (что значить—соединеніе внутренняго и внѣшняго изящества, англійское джентльменство въ высшемъ смыслѣ этого слова¹⁾). Конкретнымъ же воплощеніемъ этого идеала служилъ у грековъ вѣчно юный Аполлонъ, чище и краше котораго нѣтъ ничего ни на небѣ, ни на землѣ. Циглеръ считаетъ въ своей исторіи греческаго правоученія ошибочнымъ часто высказываемое историками и моралистами мнѣніе, будто греческій народъ былъ „односторонне (или даже исключительно) эстетическимъ народомъ“; онъ старается доказать, что греки въ достаточной степени были и этическимъ народомъ²⁾ Не лишая это возраженіе всякой силы, мы, тѣмъ не менѣе, признаемъ, что имъ не исключается возможность и право говорить о преобладаніи у грековъ эстетической точки зрѣнія и объ измѣреніи ею этической стороны. Если главною особенностью грековъ, отличающею ихъ отъ восточныхъ народовъ, мы признали введеніе ими въ свое сознаніе человѣческаго принципа, стремленіе всюду видѣть проявленіе мыслей и хотѣній человѣческихъ и ревностное и свободное проявленіе ихъ въ самихъ себѣ, то этимъ само собою предполагается богатство этическихъ элементовъ въ жизни греческаго народа. Богатство этихъ элементовъ находимъ и въ нравственной наукѣ греческой, въ греческой философіи. Но этическіе элементы могутъ быть комбинируемы и оцѣниваемы по эстетическому масштабу; этика можетъ быть заключена въ формы эстетики. Тогда произойдетъ полное совпаденіе этической и эстетической точекъ зрѣнія, какъ и произошло оно у грековъ. А отсюда—невѣрная оцѣнка нравственныхъ явленій и смѣшеніе ихъ. Съ чисто этической точки зрѣнія нравственные

¹⁾ Существуют и другія выраженія, заимствованныя греками изъ области эстетики, напр., *κῶσμος*, *μέτριος*, *ἐπιεικής*, *εὐταχτος*, *εὐσχημῶν*, *εὐγενής*.

²⁾ *Geschichte d. Ethik*, s. 15. 25.

обнаруженія могутъ быть весьма различнаго достоинства; но эстетическою точкою зрѣнія достоинство ихъ можетъ быть сглаживаемо и даже превращаемо въ противоположность. Преобладаніе эстетической точки зрѣнія ясно можно наблюдать въ греческой религіи; „сонмъ олимпійскихъ боговъ есть“, по выраженію одного изъ нашихъ историковъ религіи, „не иное что, какъ галерея художественныхъ произведеній“¹⁾. Господствомъ этой точки зрѣнія объясняется пристрастіе грековъ къ такимъ типамъ, какъ Афродита и Амуръ. Прямымъ же образомъ богатство эстетическаго чувства грековъ, которымъ они были надѣлены природою и которое увлекало ихъ заключать въ сферу изящнаго всё прочія проявленія человѣческаго духа, сказалось въ высокомъ развитіи искусства, особенно пластическаго, въ области котораго за греками признано первенство не только древнимъ, но и новымъ міромъ.

А гдѣ гармонія, тамъ и совершенство (по крайней мѣрѣ относительное) и миръ; гдѣ прекрасное, тамъ и наслажденіе. Потому у грековъ господствовало оптимистическое міровоззрѣніе и полное, говоря относительно, довольство жизнію. Здѣсь нѣтъ ни борьбы противоположныхъ началъ, характеризующей восточное міровоззрѣніе, ни какого бы то ни было злого бога, производящаго дисгармонію въ мірозданіи. Хотя гармонія достигнута не безъ битвы (личныхъ боговъ съ естественными силами), но битва произведена, по сказанію греческихъ мифовъ, въ до-историческій періодъ; титаны и гиганты оказались побѣжденными и низринуты въ тартаръ; сонмъ духовныхъ боговъ (олимпійскихъ) восторжествовалъ. Хотя и послѣдніе по временамъ ведутъ между собою борьбу, но эта борьба можетъ быть уподоблена, по значенію своему, диссонансамъ въ музыкѣ. Это не ожесточенная вражда и кровавыя распри Озириса и Тифона, Ормузда и Аримана, а

¹⁾ Архим. Хрисанъ, Религіи древняго міра, 2 т, стр. 330.

домашніе споры, собственно ради жизни и забавы, и оканчивающіеся большею частію миромъ. Унаслѣдовавъ отъ боговъ мирную область для жизни, человекъ имѣеть нравственною задачею своею не воевать и искоренять положительное зло въ себѣ и внѣ себя, а мирно развивать свои силы и наслаждаться развитіемъ ихъ. Съ богами онъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ; потому нѣтъ мѣста для заботъ объ исправленіи и умиротвореніи этихъ отношеній. Въ самомъ себѣ человекъ не находитъ ничего ненормальнаго и никакой вражды между духомъ и тѣломъ; потому нѣтъ мѣста для самоотреченія, для жертвованій своими желаніями, для аскетизма. Если человекъ и борется, то его борьба имѣеть такое же значеніе, какъ и у боговъ; она доставляетъ ему случай развить въ себѣ героическую личность и проявить мужество и ловкость. Достаточно припомнить, что времена битвъ были для грека праздничными временами, и наряжался онъ на битву по-праздничному. Свѣтлый взглядъ на жизнь и мирное отношеніе къ богамъ выразилось въ религіозномъ культѣ. Жертвенныя животныя украшались вѣнками, алтари убирались цвѣтами, празднованіе сопровождалось музыкой, танцами, играми, гимнастическими упражненіями, драматическими представленіями, произнесеніемъ стиховъ и ораторскихъ рѣчей. Чествуя представленіями боговъ, грекъ чествовалъ ими и самого себя, и призывалъ онъ къ участию въ нихъ сколько духъ свой, столько и свое тѣло. Греки были концентрическимъ народомъ; потому все въ ихъ жизни выражалось концентрически.

Чистымъ и совершеннымъ выраженіемъ греческаго духа и названныхъ характерныхъ свойствъ его были афиняне. У спартанцевъ нѣсколько иное направленіе жизни. Различіе между ними можетъ быть наглядно наблюдаемо въ различіи іонійскаго и дорійскаго архитектурнаго стиля. Последний выражаетъ строгость, силу и простоту, а первый—прелесть, легкость и пышность. Спартанцы развивали въ дѣтяхъ и въ

самихъ себѣ непоколебимое мужество и строгую законность; а афиняне заботились о гармоническомъ образованіи всѣхъ духовно-тѣлесныхъ силъ и о дѣятельности, основанной на внутреннемъ согласіи, а не на вѣншнемъ послушаніи. Но обще тѣмъ и другимъ неудержимое стремленіе къ свободѣ и энергической дѣятельности. Только у спартанцевъ свобода получила, сравнительно говоря, реальное направленіе и выразилась въ тѣлесной выносливости и формальной силѣ духа, а у афинянъ—идеальное, сравнительно говоря, направленіе и выразилась въ пластическомъ совершенствѣ человѣческаго существа.

Уже указанныя общія характеристическія свойства греческой нравственности, сообщая намъ общее представленіе объ этой нравственности, даютъ отчасти возможность судить о достоинствахъ и недостаткахъ ея. Спеціальное изложеніе греческой нравственности раскроетъ предъ нами достоинство и недостатки ея фактически и со всею ясностью.

Если въ ряду нравственныхъ отношеній человѣка къ различнымъ предметамъ поставимъ на первомъ мѣстѣ отношеніе къ самому себѣ, такъ какъ „существо, обязанное по отношенію къ самому себѣ, можетъ имѣть обязанности и по отношенію къ другимъ“ ¹⁾, и если въ ряду обязательствъ человѣка по отношенію къ себѣ поставимъ на первомъ мѣстѣ обязательство самопознанія, такъ какъ „духовно-нравственная жизнь человѣка начинается съ раскрытіемъ самосознанія“ ²⁾, и самопознаніе есть начало всякой мудрости, то греческой націи должно быть отведено высокое положеніе среди историческихъ народовъ. Не на челѣ только философовъ и заглавныхъ страницахъ философскихъ сочиненій, но и на всей греческой націи и надъ входомъ въ

¹⁾ Штейдлинъ, Neues Lehrbuch der Moral, 3 Aufl., 1825, s. 308.

²⁾ Кауликъ, System der Ethik, 1877, s. 297.

дельфійскій храмъ стоялъ краткій, но многознаменательный девизъ— „γνῶθι σεαυτόν. Жреческаго ли происхожденія этотъ девизъ, какъ думаютъ одни ¹⁾, или философскаго, какъ думаютъ другіе ²⁾, во всякомъ случаѣ, появившись на дельфійскомъ храмѣ, онъ обращалъ на себя общее вниманіе, вызвалъ въ свѣтъ много сочиненій на эту тему и былъ подвергнутъ весьма различнымъ толкованіямъ. Но какъ бы ни объясняли его, въ общемъ ли смыслѣ, т. е. въ смыслѣ познанія своихъ силъ и своего назначенія (Сократъ по изображенію „достопамятностей“ Ксенофонта, Платонъ въ „Хармидѣ“), или въ частномъ, т. е. въ смыслѣ познанія своихъ недостатковъ (пифагорейцы), или въ частнѣйшемъ, именно въ смыслѣ предостереженія отъ осужденія ближнихъ (Эзопово изображеніе человѣка, несущаго одну суму на плечахъ, въ которой сложены собственные грѣхи, а другую на груди, въ которой сложены чужіе грѣхи), во всякомъ случаѣ этимъ девизомъ требовалось обращать вниманіе на себя; а навывкнувъ быть внимательнымъ къ себѣ, къ одной сторонѣ своего существа и къ одному состоянію своему, человѣкъ невольно начинаетъ внимать и другимъ сторонамъ и состояніямъ своимъ, вообще себѣ. И какимъ бы путемъ ни совершалось, по греческому представленію, наиболѣе успѣшно самопознаніе—теоретическимъ ли, или практическимъ, во всякомъ случаѣ оно не оставалось безплоднымъ. Греки были способны и расположены какъ къ теоретическому самопознанію, о чемъ свидѣтельствуетъ зарожденіе у нихъ науки, въ особенности нравственной философіи, такъ и къ практическому, о чемъ свидѣтельствуетъ осмысленная энергическая дѣятельность ихъ; и они дѣлали примѣненіе изъ своего само-

¹⁾ Между прочимъ Аристотель.

²⁾ Между прочимъ Платонъ, Діодоръ, Цилиій, приписывающіе его Хилону или вообще одному изъ такъ называемыхъ семи мудрецовъ.

познанія всегда и всюду, во всякомъ состояніи и положеніи своей жизни.

Результаты самопознанія (въ связи, конечно, со врожденнымъ грекамъ инстинктивнымъ влеченіемъ) выразились прежде всего въ стремленіи къ самообразованію и самодѣятельности, вмѣстѣ съ достойною оцѣнкою себя. Возможно полное и лучшее воспитаніе и образованіе дѣтей считалось одною изъ важнѣйшихъ обязанностей грека. Въ цвѣтущую эпоху греческой жизни образованіе было общеобязательнымъ. Съ окончаніемъ періода воспитанія образованіе не оканчивалось; какъ юноши, такъ и зрѣлые мужи собирались вокругъ философовъ, риторовъ, математиковъ и другихъ ученыхъ и довершали изученіе высшихъ системъ наукъ и удовлетворяли стремленіямъ своимъ къ высшей духовной жизни. Чѣмъ неоспоримѣе истина, что знаніе есть сила и могучій рычагъ человѣческой дѣятельности, и что только оно, съ другой стороны, освобождаетъ человѣка отъ предразсудковъ и выводитъ его изъ того униженнаго и недостойнаго существованія, въ которомъ такъ часто погрязаютъ массы народонаселенія, тѣмъ цѣннѣе долженъ быть въ нашихъ глазахъ греческій опытъ созданія науки. И чѣмъ обильнѣе питаются современныя европейскія школы плодами древне-классической литературы и ея языка, тѣмъ прямѣе можетъ быть проведена линія изъ древней Греціи къ центру новѣйшей европейской образованности, миновавъ тѣ окольные пути, которыми блуждала человѣческая мысль въ теченіе вѣковъ, очень мало сдѣлавшихъ для науки и образованія. Хотя греки не разграничивали еще наукъ нравственныхъ и естественныхъ и не раздѣляли еще образованія на общее и специальное, но это основывалось на законѣ послѣдовательности въ умственномъ развитіи и имѣло то преимущество, что не допускало такихъ односторонностей въ направленіи личной жизни, какія наблюдаются въ наше время съ раздробленіемъ наукъ и специализаціей задачъ жизни. Греческое образованіе слу-

жить образцомъ для современнаго и другою стороною, гимнастическою. Вообще, тѣлесное здоровье причисляется греческими писателями къ самымъ выдающимся условіямъ счастливой и благотворной жизни. Если сравнимъ цвѣтущее древне-греческое юношество съ надломленнымъ юношествомъ нашихъ (то малокровнымъ, то чахоточнымъ, то геморoidalнымъ, то развратнымъ), то невольно позавидуемъ первому. Потому-то современная педагогія, даже при самыхъ различныхъ направленіяхъ, рѣшительно высказалась въ пользу гимнастики и вообще полнаго физическаго образованія; она согласилась, что гимнастика въ особенности въ состояніи предохранить тѣло отъ расслабленія, этого источника многихъ безнравственныхъ пожеланій¹⁾, что здоровое развитіе тѣлеснаго организма служить надежною подкладкою для здраваго развитія духа; а неправильное развитіе его сопровождается неправильнымъ развитіемъ духа²⁾. Не напрасно въ одной изъ нравственныхъ системъ (Баумана) въ число законовъ образованія воли введенъ законъ „мускульнаго движенія“. „Въ ученіи объ образованіи воли“, говоритъ авторъ этой системы, „не обращаютъ вниманія на тѣлесныя движенія и вообще на тѣлесныя состоянія, между тѣмъ какъ новѣйшею научною психологіей дознано, что даже такіе духовные процессы, какъ разрѣшеніе математической задачи чистымъ мышленіемъ, сопряжены съ фізіологическими процессами“³⁾. Но дорожа тѣлеснымъ совершенствомъ и земною жизнію, греки не покупали жизни за какую бы то ни было цѣну; нравственный идеалъ стоялъ у нихъ выше жизни, и они жертвовали ему послѣднюю. Не Сократъ только испилъ чашу съ ядомъ за свои завѣтныя убѣжденія, не Эдипъ только покрылъ себя вѣчною тьмою, ослѣпивъ себя по чувству

¹⁾ Grundriss der Pädagogik von Kern, 1873, s. 135.

²⁾ Pädagogik von Waitz, 1852, s. 41. 42.

³⁾ Handbuch der Moral, 1879, s. 4.

омерзѣнія къ допущенному имъ (даже по невѣдѣнію) постыдному браку своему, но и герои Иліады и Одиссеи боролись съ опасностію для жизни и побѣждали или погибали изъ-за идеаловъ. Но, съ другой стороны, мы не замѣчаемъ въ греческомъ народѣ склонности къ самоубійству ¹⁾; римляне и нѣкоторые восточные народы превосходили ихъ въ этомъ отношеніи.

Съ внѣшней стороны греческая благовоспитанность выражалась въ пристойномъ поведеніи. Юношеству заповѣдывалось избѣгать всего того, что рѣзко бросается въ глаза и обращаетъ на себя вниманіе стороннихъ. Извѣстна Ксенофонтова похвала спартанскимъ юношамъ, которые ходятъ по улицамъ молча, съ опущенными внизъ взорами и съ окутанными въ одежду руками ²⁾. Платонъ къ плодамъ хорошаго воспитанія относитъ почтеніе къ старшимъ и тщательность въ одѣваніи и манерахъ ³⁾. Ксенофонтъ же ставитъ въ примѣръ своимъ соотечественникамъ персовъ, которые во время ѣды и питья свободны отъ всякихъ проявленій жадности и нетерпѣливости. Сколько и во взрослыхъ людяхъ цѣпилось и было обязательно приличіе, можно видѣть уже, напр., изъ выраженія εἰσυχῆ-ρῶν (отрицательное—ἀσυχῆρῶν), относящагося первоначально къ тѣлесной осанкѣ, но относимаго греческими писателями и къ душевному настроенію, или изъ совѣта Аристотеля искать друзей среди личностей, отличающихся опрятностію лица, одежды и всей жизненной обстановки. Греческое приличіе существенно отличается отъ восточнаго, китайскаго, основаннаго на механической привычкѣ и непріятнаго по своей натянутости. Греческіе писатели предостерегаютъ своихъ соотечественниковъ какъ отъ пустой внѣшности безъ соответ-

¹⁾ За исключеніемъ стоической школы, создавшей особый философскій принципъ жизни.

²⁾ Киропедія, V, 2, 17.

³⁾ Республика IV, 425 а. в.

ствующаго внутренняго содержанія, такъ и отъ напѣреннаго притворства, искажающаго и внутреннюю и внѣшнюю стороны существа человѣческаго. Благопристойность должна быть живая и непринужденная. И она есть естественное слѣдствіе совершеннаго образованія—гимнастикой тѣла и музыкой души. А что въ основѣ духовнаго греческаго образованія лежало музыкальное образованіе, видно изъ того, что даже философію греки называли музыкой; важное также значеніе въ системѣ греческаго образованія имѣли поэзія и ораторское искусство. А музыку въ тѣсномъ смыслѣ слова греки настолько цѣнили, что считали немислимыми безъ нея правильное воспитаніе юношества и самовоспитаніе народа. Они постигли сущность или отличительный характеръ этого искусства, состоящій въ томъ, что хотя музыка выражаетъ идеи не настолько объективно и наглядно (тонами), какъ поэзія (словами), но она сильнѣе дѣйствуетъ на чувство и потому живѣе ощущается и воспринимается и глубже запечатывается въ человѣческомъ духѣ. Поэтому греки были убѣждены, что музыка въ состояніи преобразовывать настроенія и состоянія человѣческой души. А средство съ греческою природою изящнаго искусства вообще и значеніе послѣдняго, какъ средства для осуществленія принциповъ въ греческой этикѣ, основываются сколько на томъ, что искусство заключаетъ цѣль свою въ самомъ себѣ, столько и на томъ, что сущность искусства состоитъ въ гармоніи; то и другое съ необходимостью вытекаютъ изъ адекватнаго отношенія между идеей и матеріей въ искусствѣ. Подобно тому греческая дѣятельность была сосредоточена въ самой себѣ; она была дѣятельностію ради дѣятельности, и принципъ свой имѣла, какъ мы уже видѣли, въ гармоніи.

Кромѣ образованія, существеннымъ условіемъ самостоятельности челоѣка служить извѣстная сумма матеріальныхъ средствъ или имущества. Греки отлично понимали таковое назначеніе послѣдняго. Рѣдкій въ исторіи народъ соединялъ

съ имуществомъ такъ много нравственныхъ задачъ и нравственныхъ обязанностей, какъ греки. Имущество цѣнно, на взглядъ грековъ, потому, что оно даетъ возможность помогать друзьямъ и согражданамъ и содѣйствовать государственнымъ и богослужебнымъ цѣлямъ. Въ ряду важнѣйшихъ благъ жизни оно занимаетъ въ нѣкоторыхъ греческихъ сочиненіяхъ третье мѣсто ¹⁾. Руководствуясь нравственною точкою зрѣнія, Солонъ замѣнилъ дѣленіе народа по происхожденію на четыре филы дѣленіемъ его на четыре класса по имуществу, опредѣливъ по имуществу права и обязанности каждаго класса. Заботился онъ и объ умноженіи имущества гражданъ и охраненіи его. Въ интересахъ перваго облегчилъ участь должниковъ своею знаменитою „сиссахтій“ ²⁾, воспретивъ въ то же время обращать должниковъ въ рабство. А въ интересахъ втораго назначилъ за хищничество строгія наказанія. Законъ о правѣ собственности не остался безъ могучаго вліянія на народъ. Если въ гомеровскій періодъ сознаніе о правѣ собственности было еще весьма слабо, какъ видимъ изъ Иліады и Одиссеи ³⁾, и даже послѣ него морское хищничество считалось почти почетнымъ ремесломъ, то, съ другой стороны, нѣтъ недостатка въ историческихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о постепенномъ пробужденіи въ греческомъ народѣ понятія собственности; а со времени Солона оно достигло такой строгости, что пайденныя на улицѣ деньги не должны принадлежать нашедшему, такъ какъ онѣ имѣютъ прежняго владѣльца. „Чего не положилъ, того и не поднимай“ — гласитъ поговорка, приписываемая Солону или какой-либо другой выдающейся личности.

¹⁾ Первое мѣсто принадлежитъ здоровью, второе — красотѣ, третье — богатству, четвертое — наслажденію юностью въ сообществѣ съ друзьями.

²⁾ Состоявшей въ увеличеніи цѣнности денегъ.

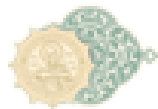
³⁾ Герои которыхъ нападаютъ на города и безъ упрековъ совѣсти расхищаютъ чужое имущество

Но каковы были мотивы дѣятельности грека? Одною изъ важнѣйшихъ характеристическихъ чертъ нравственной дѣятельности грековъ было то, что ихъ дѣятельность проистекала изъ мотивовъ соревнованія и честолюбія. И эти мотивы имѣли у грековъ не тотъ высшій и чистый смыслъ, въ которомъ ревность составляетъ неотъемлемый элементъ добродѣтели, а честь—немадоважный элементъ нравственнаго блага, а тотъ низменный, въ которомъ названныя свойства дѣятельности проникнуты страстью первенства и тщеславія. Честолюбивое чувство тщательно воспитывалось въ греческомъ народѣ съ дѣтства. Уже въ системѣ дѣтскихъ игръ видное мѣсто занимали состязаніе и перетягиванье мальчиковъ. Но блестящее поприще для состязанія представляли общественныя праздничныя игры. Здѣсь въ особенности возвышалось и крѣпло національное чувство греческаго народа, но здѣсь въ особенности цѣнилось и разгоралось и желаніе почестей. Самое высшее желаніе и самую большую славу грека составляло полученіе масличнаго вѣнка въ Олимпіи (олимпійскія игры), лавроваго—въ Дельфахъ (пиѳическія игры), плющеваго—въ Немеѣ (немейскія игры), сосноваго—въ Истмѣ (истмійскія игры). На этихъ празднествахъ греки состязались не только въ тѣлесной силѣ и ловкости, но и въ духовныхъ способностяхъ музыки и поэзіи¹⁾. И прославлялся увѣнчанный побѣдителем не только возгласами и ликованіями толпы, но и безсмертными гимнами поэтовъ (Пиндаръ, Симонидъ) и грандіозными статуями ваятелей. Иноземцы недоумѣвали и удивлялись столь высокой оцѣнкѣ простаго вѣнка, имѣющаго только символическое значеніе; и Геродотъ съ немалою національною гордостью указываетъ на этотъ фактъ. Понятно послѣ этого выраженіе Оемистокла, что „лавры Мильтіада не даютъ ему спать“. Честолюбивымъ стремленіемъ были болѣе или менѣе проникнуты все слои греческаго общества, начиная съ самаго

¹⁾ Геродотъ читаетъ здѣсь отрывки изъ своей исторіи.

выслаго и оканчивая самымъ низшимъ. Преобладаніе мотива честолюбія въ высшихъ слояхъ общества можно уже видѣть изъ стихотвореній Гомера; а что онъ не былъ чуждъ низшимъ слоямъ, можно видѣть, напр., изъ „Трудовъ и дней“ Гезіода. Изъ стиховореній же Гомера можно видѣть, что греческихъ героевъ интересовала слава сколько при жизни, столько же и по смерти (напр., Ахиллеса). Богаче развита эта мысль въ позднѣйшей греческой литературѣ, напр., у Пиндара.

Честолюбивое стремленіе къ отличію греки выражали терминомъ φιλονεικία („страсть къ первенству“). Но существовало у нихъ еще два выраженія для обозначенія мотивовъ или внутреннихъ факторовъ нравственности, расширяющихъ понятіе честолюбія и отчасти совпадающихъ съ тѣмъ, что у насъ называется обязывающею и судящею совѣстью. Эти выраженія суть: αἰδώς („почтеніе“) и αἰσχύνη („стыдливость“). Хотя выражаемыя этими словами понятія не вполне совпадаютъ другъ съ другомъ, но они весьма сродны. Въ основаніи того и другого понятія лежитъ стыдливое и честолюбивое чувство, направленное въ первомъ случаѣ на другихъ людей, а въ послѣднемъ—на самого себя; въ первомъ случаѣ грекъ опасается, какъ бы не оскорбить чести другого лица, а въ послѣднемъ случаѣ опасается, какъ бы не оскорбить своей собственной чести. О совѣсти же въ точномъ и полномъ смыслѣ этого слова греки не говорятъ. Нельзя думать, что имъ не было знакомо чувство совѣсти. Что такое еринній, преслѣдующій у Эсхила матеревъ убійцу Ореста, если не выраженіе извѣстной формы совѣсти? Особенно мучительными и неотразимыми отъ сознанія преступленія представлялись у грековъ родительское проклятіе и пролітіе крови. Живая греческая фантазія разукрашивала родительскій гнѣвъ и мщеніе убитого самыми яркими красками. Но съ мучительнымъ сознаніемъ преступленія не соединялось въ греческой совѣсти то чувство вины и раскаянія, какое соединяется въ нашей совѣсти и считается су-

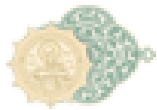
пщественнымъ элементомъ ея. Грекъ слышалъ въ своей совѣсти не столько голосъ правосудія Божія, сколько голосъ сужденія другихъ людей. Мы уже видѣли большую зависимость нравственного достоинства греческихъ дѣйствій отъ мнѣнія общества. Эта зависимость часто переступала мѣру и соблазняла пренебрегать правдивостью дѣйствія ради доброй славы, какъ свидѣлствуютъ греческіе же писатели, особенно позднѣйшаго времени. Напр., Ксенофонтъ къ числу важнѣйшихъ заслугъ Сократа относитъ то, что онъ научалъ современниковъ избѣгать постыдныхъ дѣйствій не только въ глазахъ общества, но и въ виду всевидящаго божества. Оукидидъ считаетъ погоню за славой при ненавистныхъ дѣйствіяхъ знаменіемъ времени (начиная съ пелопонесской войны). Не была извѣстна грекамъ и „заблуждающаяся“ совѣсть, какъ можно видѣть изъ Софоклова „царя Эдипа“, гдѣ представленъ герой съ сильною и энергическою волею, но съ неудовлетворительнымъ нравственнымъ сознаніемъ, и потому не замѣчаетъ своихъ самообольщеній. А изъ двухъ видовъ совѣсти—спокойной и безпокойной раньше обращала на себя вниманіе послѣдняя, какъ болѣе ощутительная; о мирной совѣсти встрѣчаются упоминанія довольно поздно. Вообще же существо совѣсти начали подвергать анализу и уясненію только въ стоической школѣ. У Платона¹⁾ есть довольно подробное изображеніе внутренняго состоянія „тирана“; но онъ описываетъ не столько специфическія функціи совѣсти, сколько вообще безнравственное состояніе тирана. О Сократовомъ же „демонѣ“ должна быть рѣчь особо.

Не былъ понятъ у грековъ во всей широтѣ и глубинѣ и другой мотивъ нравственной дѣятельности—мотивъ любви. Правда, въ центрѣ высшихъ личныхъ отношеній стоитъ у нихъ „эросъ“. Но это понятіе, отличительно принадлежащее грекамъ и переводимое на нашъ языкъ общимъ именемъ

¹⁾ Республика, 9.

любви, не совпадаетъ вполне съ понятіемъ любви въ смыслѣ христіанскаго принципа нравственной жизни. Оно носитъ свойственную грекамъ эстетическую окраску, и потому, во-первыхъ, посредствуется чувственнымъ элементомъ,—эросъ возбуждается и плѣняется не только сердце, но и глаза; а во-вторыхъ, проникнуто элементомъ страстности,—эросъ есть страстное томленіе по любимомъ предметѣ. Но, съ своей точки зрѣнія, греки считали, конечно, эросъ существеннымъ и высшимъ средствомъ нравственнаго облагороженія челоуѣка и сильнѣйшимъ мотивомъ нравственныхъ дѣйствій. Нѣтъ недостатка въ греческой исторіи и въ образцахъ преданной любви (особенно между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми) и неизмѣнной дружбы и вообще въ указаніяхъ на смягченіе и облагороженіе личныхъ отношеній греческаго общества, поднимавшагося на высшую степень культурнаго состоянія. Орфей нисходитъ въ адъ для спасенія супруги своей Эвридики; Антилохъ защищаетъ своего отца (Нестора) до пожертвованія собственною жизнію; Алкай терпитъ смерть вмѣсто супруги своей; Ахиллесъ и Патроклъ, Орестъ и Пиладъ, Епаминондъ и Целопидъ и другіе—самые искренніе и самоотверженные друзья. Какъ вообще взаимнымъ сношеніямъ людей, такъ, въ частности, дружбѣ греки усвоили огромное значеніе, поставляя въ зависимость отъ нихъ нравственныя качества челоуѣка и считая ихъ важнымъ средствомъ нравственнаго самоусовершенствованія. Такой взглядъ на личные сношенія былъ, естественно, связанъ съ подвижнымъ и воспріимчивымъ темпераментомъ греческаго народа. Потому при избраніи друга требовалась возможная осторожность. Поговорка: „съѣшь пудъ соли, прежде чѣмъ узнаешь челоуѣка и сдружишься съ нимъ“ ведетъ начало свое отъ грековъ¹⁾. Критеріемъ для оцѣнки

¹⁾ Ср. Арист. этик. 1156 в. 26.

дружескихъ способностей человѣка служили (по Ксенофонтѣ, Аристотелю, и Сократу и другимъ писателямъ): неизмѣнныя отношенія къ прежнимъ друзьямъ, благоразумное сохраненіе повѣренныхъ тайнъ, дѣятельное вспоможеніе, вѣрность въ несчастіяхъ и общественныхъ бѣдствіяхъ и независтливое раздѣленіе радостей друга. Критерій, какъ видимъ, весьма серіозный. Руководясь имъ, можно сдѣлать такой выборъ друга, послѣ котораго надпись въ общественныхъ мѣстахъ: *μη φίλον ἐξαρτάα* получить полное значеніе и силу. Добродѣтель дружбы почиталась въ лицѣ особаго Зевса (*Ζεὺς φίλος*), имѣвшаго храмъ въ Мегалополѣ; она же была важнѣйшимъ предметомъ практической философій греческой. Особенно много разсуждалъ объ этомъ предметѣ, какъ и вообще объ общественныхъ добродѣтеляхъ, Аристотель.

А смягченность и облагороженность вообще личныхъ отношеній можно видѣть изъ нѣкоторыхъ узаконеній и нравовъ греческаго общества. Прежде всего греками приняты и санкціонированы тѣ гуманные и благотворные обычаи, которые существовали даже у дикарей, не говоря о цивилизованныхъ древнѣйшихъ народахъ, каковы, напр., гостепріимство и право убѣжища. По присутствію или отсутствію гостепріимства греки даже судили о нравственномъ уровнѣ другихъ народовъ; тѣмъ болѣе не могли не позаботиться объ этой добродѣтели у себя. Въ трагедіи Эврипида „Гекаба“ выставляется на видъ превосходство греческихъ нравовъ надъ варварскими на основаніи миролюбиваго и охранительнаго отношенія къ гостю. Пиндаръ въ одной изъ олимпійскихъ побѣдныхъ пѣсней своихъ считаетъ погибель эпирскаго царя Ангя наказаніемъ за обманъ гостя. Въ „Одиссеѣ“ изрекается сильное негодованіе на поступокъ Геракла, умертвившаго гостя своего дома Ифита; и, напротивъ, весьма восхваляются гостепріимныя качества Одиссея и сообщается много правилъ касательно гостепріимства. Въ „Иліадѣ“ подобное же восхваленіе дѣлается Ахилу, издиз-

шему свое богатство на угощеніе странствующихъ. Что гостепріимство простиралось у грековъ не только на своихъ, но и на чужихъ, это можно видѣть уже изъ выраженія ξένος, означающаго и гостя и чужестранца. А если вспомнимъ, какъ важно было у древнихъ народовъ и, въ частности, у грековъ участіе въ общемъ столѣ, которому усвоялось даже религіозное значеніе въ силу естественной связи между мыслию о столѣ и мыслию о жертвѣ и даже реальнаго соединенія того и другой въ одномъ актѣ, то не будемъ удивляться, что дружба, заключенная гостемъ и хозяиномъ за общимъ столомъ, иногда переходила и на потомство. Право убѣжища было тѣсно связано съ гостепріимствомъ и даже служило однимъ изъ мотивовъ его. Но важнѣйшимъ мѣстомъ убѣжища были, конечно, у древнихъ народовъ храмы. Здѣсь могли искать защиты отъ жестокостей и обидъ не только рабы, но и иноземцы, и законъ о неприкосновенности святыни нѣсколько парализовался правомъ убѣжища. Нарушеніе права убѣжища судилось такъ строго, что ставилось въ уровень съ ограбленіемъ храма, однимъ изъ весьма тяжкихъ преступленій.

Начало убѣжища и гостепріимства отчасти примѣнялось и къ военноплѣннымъ. Когда побѣжденные обнимали коѣнна побѣдителей въ знакъ покорности (обычай древнѣйшаго времени) или простирали руки (обычай послѣдующаго времени), то они не только шадились, но даже вступали съ побѣдителями въ нѣкоторое общеніе и разсматривались иногда съ точки зрѣнія гостепріимства. Но, вообще говоря, миролюбивое отношеніе къ побѣжденнымъ вытекало изъ мягкаго характера грековъ. И въ этомъ отношеніи прогрессъ довольно замѣтенъ въ греческой исторіи. Въ гомеровскій періодъ поголовное умерщвленіе всѣхъ плѣнныхъ мужчинъ и превращеніе женъ и дѣтей въ рабовъ—въ порядкѣ вещей; въ слѣдующіе же періоды, особенно послѣ пелопонесской войны, такое отношеніе къ побѣжденнымъ признавалось

непозволительною жестокостію. Ксенофонтъ переноситъ въ своей „Киропедіи“ гуманное отношеніе къ побѣжденнымъ на своего героя Кира. По сказанію Геродота, за умерщвленіе плѣнныхъ фокейцевъ ахиллейцы были наказаны порчею потомства ихъ и потерю имущества. Въ спартанцахъ вызвалъ большое отвращеніе поступокъ аонинскаго полководца Филоклеса, повелѣвшаго потопить военноплѣнныхъ во время битвы при Эгоспотамосѣ. Хотя изъ этихъ и подобныхъ случаевъ видно, что прежняя варварская жестокость къ побѣжденнымъ не исчезла совсѣмъ, но, вообще говоря, она была постепенно смягчаема греческою гуманностію и вызывала неодобреніе и недовольство общества и лучшихъ лицъ.

Филантропія (φιλανθρωπία), прославленная въ грекахъ и особенно афинянахъ греческими ораторами и другими писателями, обнимала и другихъ нуждающихся и бѣдствующихъ. Вообще же, въ отношеніяхъ своихъ къ ближнимъ греки были прежде всего правдивы, не терпѣли теоретической лжи. Извѣстно симпатическое отношеніе грековъ, выраженное между прочимъ у Геродота, къ персамъ, у которыхъ правдивость была одною изъ первыхъ національных добродѣтелей, прививаемой юношеству съ самыхъ раннихъ лѣтъ. И любовь къ истинѣ мотивировалась у грековъ сколько уваженіемъ къ собственному достоинству человека, столько же и вниманіемъ къ обществу и отношеніемъ къ богамъ, которымъ человекъ уподобляется, по выраженію Пифагора, въ то время, когда говоритъ правду. Мысли объ удѣленіи нуждающимся изъ своего имущества, о благодарности, о внимательномъ и почтительномъ отношеніи къ другимъ людямъ, особенно старшимъ, объ обузданіи всыльчивости и гнѣва, вообще о жизни не для себя только, но и для другихъ и общества, встрѣчаемъ въ разбросанномъ видѣ у различныхъ поэтовъ и писателей греческихъ ¹⁾.

¹⁾ Чит. 6-ю гл. II-го тома соч. Шмидта D. Ethik d. alt. Griechchen.

Но при всемъ томъ личныя и общественныя отношенія грековъ не были основаны на строгомъ законѣ нравственной справедливости. Самымъ яснымъ образомъ это можно видѣть изъ существованія у грековъ рабства. На десятки тысячъ свободныхъ числились сотни тысячъ рабовъ. Въ Аѳинахъ считалось въ цвѣтущее время до четырехсотъ тысячъ рабовъ; въ Спартѣ—до трехсотъ шестидесяти четырехъ тысячъ, въ Коринѣ—до четырехсотъ шестидесяти тысячъ; на Эгинѣ—до четырехсотъ семидесяти тысячъ. Чѣмъ богаче былъ гражданинъ, тѣмъ большимъ количествомъ обладалъ рабовъ; обладаніе пятью десятками рабовъ Платонъ считалъ нормальнымъ состояніемъ богатаго человѣка. Даже самый мелкій грекъ любилъ, чтобы его сопровождали одинъ-два раба. На разграниченіи свободныхъ и рабовъ основывался весь общественный и политическій порядокъ жизни грековъ; съ уничтоженіемъ его уничтожился бы и послѣдній. Неудивительно поэтому, что даже такіе великіе авторитеты, какъ Платонъ и Аристотель, считали рабство въ порядкѣ вещей и представляли себѣ домашнюю и общественную дѣятельность столь же невысказанною безъ рабовъ, какъ невысказанною душа безъ тѣла, ремесленника безъ ремесленническихъ инструментовъ. За рабомъ не признавалось полного человѣческаго достоинства; или по крайней мѣрѣ человѣческое существо раба представлялось настолько извращеннымъ и испорченнымъ, что истинно человѣческая жизнь считалась невысказанною для раба. Потому не только позволительно, но и законно было для мудраго и добродѣтельнаго мужа презирать раба и побуждать его на работу только страхомъ или приманкою грубой чувственности. Хотя мягкая натура и естественное добродушіе грековъ удерживали ихъ, вообще говоря, отъ такого жестокаго обращенія съ рабами, какое встрѣчаемъ у римлянъ, и особенно въ Аѳинахъ рабамъ были предоставлены нѣкоторыя права, при-

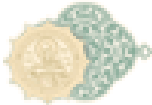
надеждавшія въ другихъ мѣстахъ только свободнымъ, но все-таки произволъ господъ и почти неограниченная власть ихъ часто были весьма ощутительны для рабовъ; изуродованіе и даже умерщвление рабовъ не были чѣмъ-либо особеннымъ. Даже Платонъ совѣтуетъ какъ можно строже обращаться съ рабами, если господинъ хочетъ приучить рабовъ къ должному отношенію къ себѣ. По мнѣнію Аристотеля, господинъ можетъ смотрѣть на раба, какъ на лошадь или вола. Нисколько не тревожился господинъ, если причинялъ рабу какой-либо нравственный уронъ, и если, вообще, нравственное состояніе раба ухудшалось. Онъ, напримѣръ, могъ безнаказанно сдѣлать рабу средствомъ для удовлетворенія чувственной страсти своей; могъ угостить ею и заночевавшего у него гостя. Весьма нерѣдки такіе случаи, что раба, отпущенная на свободу, шла путемъ чувственного разврата. Брачное сожителство рабовъ господинъ могъ разрывать по своему произволу и создавать новыя связи между рабами. На судахъ клятву замѣняла для рабовъ пытка.

Однимъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ добыванія рабовъ была война, превращавшая побѣжденныхъ въ рабовъ¹⁾. Иного отношенія къ побѣжденнымъ какъ у другихъ древнихъ народовъ, такъ и у грековъ не могло быть. Побѣжденнымъ принадлежала низкая участь не только вслѣдствіе случайнаго стеченія обстоятельствъ, вызвавшихъ войну, окончившуюся одолѣніемъ одной стороны другою стороною, но и вслѣдствіе горделиваго отношенія грековъ ко всѣмъ иноземцамъ, заклеяннымъ именемъ „варваровъ“. Какъ и рабъ, варваръ не способенъ къ высшему умственному образованію и къ благородному настроенію и потому не можетъ обладать полнымъ человѣческимъ достоинствомъ. Такого мнѣнія греки были даже о тѣхъ народахъ (напримѣръ, егип-

¹⁾ Другими источниками были покупка на рынкахъ, морское хищничество, брачныя связи.

тянахъ), у которыхъ они заимствовали нѣкоторые культурные элементы. Не отрицая полезныхъ для себя заимствованій, греки думали, что заимствованное ими у другихъ народовъ они самостоятельно переработали и усовершенствовали, и что только у нихъ можетъ быть получено полное человѣческое образованіе. На ежедневную благодарственную молитву Сократа къ богамъ за рожденіе свое не животнымъ, а человѣкомъ, не женщиной, а мужчиной, не варваромъ, а грекомъ, можно смотрѣть какъ на выраженіе общаго греческаго сознанія.

Къ варвару грекъ относился по самому принципу презрительно и враждебно. Такое отношеніе укрѣплялось и тѣмъ греческимъ убѣжденіемъ, что война—необходимое и неотъемлемое явленіе въ человѣческой жизни. А еще больше тѣмъ убѣжденіемъ, что и вообще вражда въ широкомъ смыслѣ этого слова имѣетъ такое же законное право на существованіе среди людей, какъ и дружба. Последнее убѣжденіе было, конечно, источникомъ нестроений и раздоровъ не только между греками и варварами, но и между самими греками. Плутархъ написалъ цѣлое сочиненіе о полезности враговъ. Аристотель въ своей „Реторикѣ“ не считалъ ненависти достойною безусловнаго отвращенія. Изреченіе Біаса гласитъ, что „при любви человѣкъ долженъ имѣть въ виду будущую ненависть, и при ненависти долженъ имѣть въ виду будущую любовь“. И съ христіанской точки зрѣнія любовь предполагаетъ ненависть или отвращеніе. Когда человѣкъ дурнымъ поведеніемъ своимъ попираетъ въ нравственномъ человѣкѣ любовь къ нему, то онъ вызываетъ этимъ въ немъ взаимнѣй любви ненависть или отвращеніе. Но христіанская ненависть или отвращеніе направляется не противъ личности, а противъ допущеннаго ею дурнаго поведенія. У грековъ же то и другое смѣшивалось; дѣйствіе и дѣйствующее лицо обезличивались. И отсюда происходило то, что когда грекъ любилъ, то онъ обнималъ любовію своею не только любимое лицо, но и его слабости и недостатки, а когда ненавидѣлъ,

то его ненависть направлялась не только противъ заслуживающихъ ея дурныхъ качествъ и пороковъ, но и противъ лица. Въ первомъ случаѣ любовь оставалась нечистою вслѣдствіе сочувственнаго отношенія къ дурному, а въ послѣднемъ случаѣ ненависть становилась незаконною вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ хорошему. Подобное смѣшеніе происходило и вслѣдствіе отождествленія челоуѣка, какъ челоуѣка, съ челоуѣкомъ, какъ членомъ политическаго общества. Политическія разногласія непосредственно сопровождались враждою.

Что удивительнаго послѣ этого, если у грековъ любовь и возможность дружескихъ сношеній ограничивались тѣснымъ кругомъ „своихъ“. Не смотря на задатки космополитическихъ тенденцій, выразившихся въ образованіи колоніальной жизни и въ системахъ нѣкоторыхъ философскихъ школъ, греки все-таки были „дѣтьми своего времени“. Что удивительнаго, если предписаніе благодѣтельствовать друзьямъ и ненавидѣть враговъ было въ силѣ у грековъ. Встрѣчаются въ греческой литературѣ и совѣты благодѣтельствовать врагу и превращать враговъ въ друзей. Но эти совѣты вытекали изъ опасенія имѣть много враговъ. Какъ и сама дружба часто вытекала у грековъ изъ полезности ея; и потому реальное вспоможеніе другу считалось неотъемлемымъ элементомъ дружбы. Этою примѣсю помрачалась чистота дружбы, какъ безкорыстнаго нравственнаго союза.

Яснѣе и полнѣе раскроются предъ нами указанныя начала взаимныхъ отношеній грековъ и вообще нравственнаго поведенія ихъ съ его преимуществами и недостатками, если прослѣдимъ семейную и гражданскую жизнь грековъ. Допущенная однажды мысль о личномъ неравенствѣ людей проводится и далѣе. Признавъ неравными съ собою варвара и раба, грекъ, послѣдовательно, не могъ уравнивать съ собою и женщину. Можно бы привести цѣлый рядъ мѣстъ изъ греческихъ писателей, въ которыхъ или предвосхищается или повторяет-

ся тотъ взглядъ Платона на женщину, что женщина менѣе способна къ добродѣтели, чѣмъ мужчина и потому должна жить непритязательно и сокровенно ¹⁾). Эврипида прямо называютъ „врагомъ женщинъ“ и „хулителемъ брака“. И можно ли, въ самомъ дѣлѣ, рѣзче выразиться о женщинѣ, чѣмъ выразился Іасонъ въ его „Медѣ“ „если бы дѣти становились людьми не черезъ женщинъ, тогда не было бы зла между людьми“. Или можно ли безъ нѣкотораго содроганія читать изображеніе Гезіодомъ Пандоры, виновницы всѣхъ бѣдствій и скорбей въ мірѣ? Въ томъ же убѣдимся, если обратимъ вниманіе на фактическое положеніе женщины въ древней Греціи. Въ Спартѣ женщина пользовалась значительною степенью свободы. Дѣвушки являлись съ открытымъ лицомъ и полуобнаженными не только на гимнастической площади, но и при публичныхъ процессіяхъ, на рынкѣ, и даже въ сопровожденіи юношей. „Какъ ты прекрасна, какъ цвѣтуща твоя кожа, какъ упруго твое тѣло, какая у тебя грудь! ты могла бы укротить вола!“ воскликнула у Аристофана одна афинянка, увидя спартанку. Замужнія женщины хотя выходили изъ дома подъ покрываломъ, но были проникнуты сознаніемъ государственныхъ потребностей, имѣли вліяніе на своихъ мужей и сыновей, какъ будущихъ государственныхъ дѣятелей. Однако на женщину смотрѣли въ Спартѣ только какъ на средство къ цѣли; именно—какъ на средство къ рожденію здоровыхъ и крѣпкихъ дѣтей. Съ этою цѣлію женщинъ предоставлялась свобода, съ этою цѣлію дѣвушки жили больше подъ открытымъ небомъ, чѣмъ въ душныхъ комнатахъ, и принимали, безрообнаженные, участіе наравнѣ съ мальчиками въ гимнастическихъ играхъ. Одостаточномъ умственномъ и вообще духовномъ образованіи спартанской женщины не можетъ быть рѣчи уже потому, что въ Спартѣ вообще науки и духовное образованіе цѣнились весьма низко. Если важнѣй-

¹⁾ О законахъ, VI, 781.

шее назначеніе спартанской женщины состояло въ рожденіи здоровыхъ и крѣпкихъ дѣтей, то нѣтъ ничего удивительнаго, если во время гимнастическихъ упражненій дѣвушки обнаруживали смѣлость и грубость, несвойственныя женщинамъ, или въ танцахъ проявляли безстыдство; нѣтъ ничего удивительнаго, если жены обмѣнивались мужьями, или передавались подстарыми суиругами молодымъ людямъ или холостякамъ; нѣтъ ничего удивительнаго, если о распутствѣ спартанскихъ женщинъ говорили во всей Греціи, или если Полибій свидѣтельствуетъ, что въ Македемонѣ три или четыре мужчины имѣли одну женщину (полиандрія).

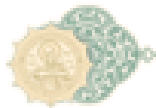
Въ Аѳинахъ супружескія отношенія были чище, но здѣсь женщина больше, чѣмъ въ Спартѣ, была подавлена деспотизмомъ мужей. При всей высотѣ и признаціи важности образованія у аѳинянъ женщина была лишена его. Она жила замкнуто во внутреннихъ частяхъ дома ¹⁾, находилась въ сообществѣ рабынь, занималась чисто женскими работами—шитьемъ, тканьемъ и т. п. и имѣла весьма мало общихъ интересовъ съ мужчиной. Не находя влѣдствіе этого никакого удовольствія въ духовномъ сообществѣ съ женой, мужчина невольно соблазнялся къ тому, чтобы смотрѣть на женщину, главнымъ образомъ, какъ на средство чувственнаго наслажденія. Нѣкоторые ученые восхваляютъ греческое супружество, или по крайней мѣрѣ относятся къ нему сочувственно ²⁾. Заслуживаетъ оно сочувствія, если сравнить его съ восточными супружествами; сравнительно съ послѣдними оно, несомнѣнно, благороднѣе и выше. Но греки не были въ состояніи понять сущность и значеніе тѣхъ высокихъ отличительныхъ качествъ женской натуры, по кото-

¹⁾ Гинскей—женское отдѣленіе.

²⁾ „Основной тонъ, проникающій греческій взглядъ на бракъ, звучитъ, вообще говоря, симпатически. Шмидтъ, II В., с. 197.

рымъ женщина уравнивается съ мужчиной и вмѣстѣ восполняетъ его природу, составляя съ нимъ, какъ два разнородные, но сопринадлежащіе элементы, одно прекрасное гармоническое цѣлое. Стремясь къ идеаламъ, грекъ готовъ бы идеализировать и женщину, но онъ измѣряетъ женщину мужескимъ масштабомъ, хочетъ видѣть и цѣнить въ ней мужескія совершенства. Для доказательства достаточно сослаться на „гетеръ“ изъ практической жизни и на Антигону—изъ области поэзіи. Предъ гетерами преклонялись великіе греческіе мудрецы (Сократъ) и знаменитѣйшіе государственные дѣятели (Периклъ); но что это были за личности, если не эмансипировавшіяся существа въ новѣйшемъ и полнѣйшемъ смыслѣ этого слова? Или не есть ли знаменитая Софоклова Антигона идеалъ скорѣе героическаго мужчины, чѣмъ героической женщины? Неоспоримо и то, что греческіе законодатели (Солонъ, Ликургъ) предпринимали мѣры для ограниченія произвола мужей и для очищенія семейныхъ связей. Но все это дѣлалось въ соображеніяхъ государственныхъ, не переступало границъ полезности (потому наложничество было узаконено) и на практикѣ съ точностію не осуществлялось. Коммерческіе расчеты при заключеніи браковъ были въ такой силѣ, что Солонъ нашелъ нужнымъ сдѣлать прямое распоряженіе—сколько жена должна приносить мужу приданого. Безъ приданого жена не могла имѣть уваженія въ глазахъ мужа. Взаимная склонность лицъ оставалась на второмъ планѣ. Браки нерѣдко заключались заочно. Если обращалось вниманіе на возрастъ брачующихся, ихъ темпераментъ, свойства духа, то главнымъ образомъ не для того, чтобы обезпечить добрыя отношенія между супругами и счастливую гармонию лицъ, какъ ближайшую, непосредственную цѣль брака, а для того, чтобы изъ этой гармоніи могъ возникнуть гармоническій плодъ—нормально сложенное дитя.

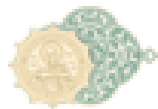

Если въ Греціи не пользовалась полными личными правами женщина, то тѣмъ болѣе не могло пользоваться имидитя, существо неспособное быть „производительнымъ“, какъ выражаются современные экономисты, т. е., приносить непосредственную практическую пользу обществу. Въ Спартѣ дитя тотчасъ по рожденіи представлялось на судъ старѣйшинъ, рѣшавшихъ его судьбу. Если оно оказывалось болѣзненнымъ, то бросалось въ Тайгетскую пропасть, какъ неспособное сдѣлаться здоровымъ и полезнымъ гражданиномъ. Въ Афинахъ отношенія къ дѣтямъ были значительно мягче; но и здѣсь цѣль человѣческой жизни полагалась не въ личности, а въ государствѣ. Государственная сторона настолько заслоняла собою остальные стороны и поглощала интересами своими прочіе интересы человѣческой жизни, что понятіе человѣка мыслилось не иначе, какъ въ понятіи гражданина, съ которымъ оно совершенно сливалось. Нравственность еще не имѣла здѣсь особой самостоятельной области рядомъ съ государственною областью, а всецѣло расходилась въ послѣднюю. Въ благосостояніи государства усматривали *bonum supremum*, и масштабъ для измѣренія личнаго достоинства человѣка былъ заимствуемъ отсюда же. Мѣтко выразилъ такой взглядъ на человѣка Аристотель, назвавъ человѣка *ζῷον πολιτικόν*. Государство обнимало и религію; греческая религіозность была политическаго характера „Служеніе богамъ“, говоритъ Дёллингеръ, „было предписано и съ точностію определено каждому гражданину государствомъ, которое само считалось божественнымъ учрежденіемъ; религіозное служеніе исполнялось прежде всего ради общественнаго блага и какъ политической должъ“¹⁾. Взглядъ на человѣка, какъ на *ζῷον πολιτικόν*, навязывался человѣку съ ранняго дѣтства. Въ Спартѣ дѣти въ самомъ нѣжномъ возрастѣ были отрываемы отъ семьи и отдавались на воспитаніе въ общественныя заведенія,

¹⁾ Heidenthum u. Judenthum, 1857, s. 665.

вмѣщавшія въ себѣ до восьми и девяти тысячъ питомцевъ и состоявшія въ вѣдѣніи и попеченіи государства. Въ Аѳинахъ воспитаніе и обученіе были частнымъ дѣломъ, но самая жизнь аѳинянъ сообщала имъ общественный характеръ, и всѣ проекты и планы при учрежденіи воспитательныхъ и учебныхъ заведеній были направлены къ тому, чтобы воспитать изъ дитяти гражданина. Мыслию объ этой конечной цѣли были проникнуты даже совершенно частныя семейныя отношенія между родителями и дѣтьми, казалось слишкомъ далекая отъ этой цѣли. Тѣ историки и изслѣдователи древности, которые сочувственно относятся къ греческому браку и отношеніямъ между мужемъ и женой, еще сочувственнѣе относятся къ греческимъ отношеніямъ между родителями и дѣтьми. Нельзя не согласиться, что въ Греціи родители весьма дорожили дѣтьми и полагали счастье свое въ томъ, чтобы видѣть ихъ хорошими людьми¹⁾. Неудавшіяся дѣти причиняли великую скорбь родителямъ. Забота о возможно лучшемъ воспитаніи дѣтей составляла, какъ мы говорили уже, величайшую и священную обязанность родителей. А почти-тельное отношеніе дѣтей къ родителямъ представляется настолько естественнымъ, что греческіе писатели считаютъ лишнимъ распространяться объ этомъ предметѣ. Такія тяжкія преступленія противъ родителей, какъ убійство, Солонъ считаетъ невозможными и потому не назначаетъ за нихъ никакого наказанія. Но внутренняя чистота и безкорыстіе отношеній между родителями и дѣтьми омрачаются, если вспомнимъ, что и здѣсь политическій мотивъ занималъ не послѣднее мѣсто. Когда, напримѣръ, чиновнику предстояло избраніе въ высшую должность, то, по предписанію закона, надобно было предварительно навести справку—почиталъ ли онъ своихъ родителей при ихъ жизни и почитаетъ ли ихъ

¹⁾ Достаточно прочесть нѣкоторыя мѣста пифійскихъ гимновъ Пиндара, или «Медей и Іона» Эврипида.

послѣ смерти. Правительство было того убѣжденія, что только почтительные къ родителямъ люди могутъ быть послушными и хорошими гражданами. Потому къ заботѣ объ устанавленіи правильныхъ отношеній между собою и дѣтьми родители сильно побуждались будущимъ назначеніемъ своихъ дѣтей, какъ членовъ общества. Мотивъ, очевидно, внѣшній. Или чтобы побудить родителей нести всѣ тягости воспитанія дѣтей, государство указывало имъ на то, что они не въ правѣ будутъ въ старости ожидать вспомошествованія отъ дѣтей, если будутъ пренебрегать ихъ воспитаніемъ; и родители живо интересовались этимъ и немало побуждались имъ на возможно лучшій уходъ за дѣтьми. Мотивъ опять сторонній, мотивъ пользы.

Нельзя не согласиться, что пожизненное зависимое отношеніе грека отъ опеки государства имѣло и выгодную сторону. Какъ и въ Китаѣ, въ Греціи государство не только выполняло принадлежащую ему юридическую задачу, но и имѣло значеніе великаго воспитательнаго заведенія, въ которомъ народъ и каждый въ частности человекъ получали нравственное образованіе и безъ котораго послѣднее не могло быть достигнуто. Государство опредѣляло понятіе о правомъ и неправомъ (*vóμος*), сообщало нравственное направленіе человеку существовавшими въ немъ воззрѣніями и порядками, возбуждало къ добродѣтели воспоминаніями о предкахъ и живыми примѣрами великихъ государственныхъ дѣятелей, давало чувствовать благотворныя или печальныя слѣдствія добра и зла наградами и наказаніями. Понятіе государства уравнивалось съ понятіемъ родительскаго дома, и къ первому требовалось столь же нѣжное и сердечное отношеніе, какъ и къ послѣднему. Можно указать много примѣровъ чувствительныхъ отношеній грека къ отечеству. Достаточно прочесть начало третьей книги Ксенофонта „Анабазиса“, изображающее глубокое томленіе по отечествѣ, или то мѣсто Софоклова „Филоклета“, въ которомъ Филоклетъ, попавъ въ

безпомощное состояніе, выражаетъ печаль о невозможности снова увидѣть когда-либо свое отечество. Когда греки начали создавать колоніи и селиться въ нихъ, то возникло — было серьезное опасеніе, какъ бы переселенцы не охладѣли къ родинѣ. Но опасеніе это оказалось напраснымъ; куда грекъ ни проникалъ, онъ всюду сохранялъ живую привязанность къ родинѣ. Греки никогда не составляли одного государства; но тѣмъ не менѣ племенная и культурная связь ихъ была настолько сильна, что множество отдѣльныхъ самостоятельныхъ греческихъ государствъ все-таки хранили общественное единство свое. Ставить заботы о семействѣ выше заботъ о государствѣ считалось постыднымъ дѣломъ¹⁾. Измѣна отечеству преслѣдовалась не только при жизни, но и по смерти; измѣнникъ казнился смертію, лишался погребенія, извергался изъ аттической земли, по аѳинскому закону вырывался послѣ погребенія изъ земли и выбрасывался вонъ²⁾. Смертное наказаніе простиралось иногда и на семейство преступника. Помогать государству деньгами, защищать свободу и охранять права его, принимать живое участіе во всѣхъ его порядкахъ и учрежденіяхъ — все это считалось священнѣйшимъ долгомъ каждаго гражданина. Благоговѣнно чтить государство и сочувствовать ему грекъ былъ тѣмъ расположеніе, что происхожденіе государства онъ приписывалъ богамъ и вообще поставлялъ боговъ въ тѣсную связь съ государствомъ, и что при живости чувства и фантазіи онъ весьма склоненъ былъ олицетворять все окружающее его.

Но понятно, что нравственныя отношенія, имѣющія сѣдалищемъ своимъ сердце и совѣсть, не могутъ быть всецѣло переведены на юридическія отношенія, опирающіяся на внѣшнемъ законѣ и имѣющія цѣлю произвести внѣшній порядокъ

¹⁾ Ср., напр., 6 и 12 книги Иліады, изображающія подвиги Гектора.

²⁾ Вспомнимъ, напр., судьбу Тесмистокла.

человѣческаго сожительства, и исчерпаны ими. И если угрековъ подобная попытка была сдѣлана, то не иначе, какъ въ ущербъ нравственности. Не отсюда-ли униженіе варваровъ, рабовъ, женщинъ? Если нравственную цѣну имѣеть только греческое государство, то очевидно, что непринадлежащій къ греческому государству безцѣненъ въ нравственномъ отношеніи. Если въ государствѣ существуютъ различные ранги, опредѣляющіе различное положеніе и значеніе человѣческаго лица въ государственномъ организмѣ, то, слѣдовательно, лица не могутъ быть уравниваемы въ нравственномъ отношеніи, а необходимо одни будутъ поставляться выше, а другіе ниже. А такому узкому объему греческой нравственности соответствуетъ невысокое содержаніе ея. Содержаніе нравственныхъ обязанностей совмѣщено въ понятіи *δικαιοσύνη*, т. е., въ сообразности съ законами (государственными), предписывающими каждому воздавать свое и не переступать извѣстныхъ предѣловъ или мѣры въ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ. При такомъ положеніи дѣла нравственный законъ не могъ проникать волю, внутренно очищать ее и преобразовывать и исполнять желаніемъ стремиться къ добру ради добра, изъ безкорыстной любви къ нему. А отсюда эгоистически-эвдемонистическіе мотивы страха предъ наказаніями, надежды на награду, прибыли, чести, потомственной славы и т. п., на которые мы выше имѣли случай указать.

Восточному деспотизму и неограниченному монархическому правленію не было мѣста въ греческой странѣ индивидуальной свободы. Господствовавшее въ началѣ патріархальное правленіе съ особымъ царемъ въ главѣ мелкаго независимаго владѣнія мало-по-малу, съ вымираніемъ древнихъ царскихъ фамилій и переселеніемъ поколѣній, уступало мѣсто аристократическому и демократическому правленію. Послѣдніе цари были настолько ограничены силою аристократовъ и народа, что переходъ отъ перваго къ послѣднему былъ естественъ и не грудень. Правда, и послѣ этого

среди борьбы партій нѣкоторымъ лицамъ удавалось захватывать въ свои руки кормило правленія и распоряжаться въ государствѣ съ достоинствомъ и властію единоличнаго царя. Хотя правленіе этихъ мужей большею частію было разумное и направленное къ пользѣ и благосостоянію государства, хотя и сами эти мужи большею частію были личностями выдающимися, умѣвшими цѣнить науки и искусство (напримѣръ, Пизистратъ, Поликрать)¹⁾, но давленіе единоличнаго неограниченнаго правленія настолько было противно духу и характеру пробивавшагося къ свободѣ греческаго народа, что это правленіе заклеимено въ греческой исторіи именемъ „тиранніи“. По низверженіи тирановъ власть народа укрѣпляется еще болѣе, и афинская республика быстро достигаетъ полнаго расцвѣта своей образованности и своего богатства. Даже четвертый классъ гражданъ получаетъ, по предложенію Аристиды, доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ. Вообще, сословія у грековъ не были настолько замкнуты, какъ восточныя касты. Войны велись свободно и за свободу; отсюда энергія, мужество и усилѣхъ войнъ. Чѣмъ, напримѣръ, объясняются побѣды небольшого греческаго войска надъ двухмилліонною арміей Ксеркса, если не тѣмъ, главнымъ образомъ, что послѣдняя сражалась по приказанію повелителя или изъ жадности къ добычѣ, первое же одушевлялось любовью къ отечеству и стремленіями къ вольной жизни? Нѣтъ недостатка и въ высокихъ образцахъ соціально-политическаго героизма и самоотверженности. Ликургъ добровольно уморилъ себя голодомъ и завѣщалъ бросить прахъ свой въ море, чтобы отклонить всякій предлогъ согражданъ къ нарушенію составленныхъ имъ благотворныхъ законовъ. Честность и спра-

¹⁾ На личныхъ, главнымъ образомъ, заслугахъ опиралась и въ патріархальное время царская и предводительная власть (вспомнимъ походъ аргонавтовъ, или Гроянскую войну).

ведливость Аристиды вошли въ поговорку; но, покидая отечество послѣ несправедливаго приговора надъ нимъ, онъ молилъ боговъ изъавить его отечество отъ всего того, что могло бы заставить пожалѣть объ его изгнаніи. Эмистоклъ, при всей любви своей къ отечеству, рѣшился притвориться врагомъ его и другомъ Ксеркса, чтобы вразумить соотечественниковъ въ выгодахъ Саламинской позиціи и доставить имъ полную побѣду; а когда былъ несправедливо изгнанъ и попалъ къ персидскому царю Артаксерксу, то принялъ, по извѣстіямъ, ядъ, чтобы не служить персамъ противъ грековъ. Столь же сокровенно совершилъ онъ благодѣяніе для своихъ согражданъ, когда былъ посланъ къ спартанцамъ по поводу укрѣпленія Аѳинъ стѣнами. Или сколько сдѣлаъ для благосостоянія своего народа Периклъ, этотъ демагогъ въ возвышеннѣйшемъ смыслѣ этого слова! Онъ судопроизводство отдалъ въ руки присяжныхъ, учредилъ кассу для выдачи бѣднымъ гражданамъ денегъ на плату за мѣста въ театрѣ, украсилъ городъ великолѣпными памятниками искусства, находился въ дружбѣ съ лучшими художниками, поэтами и философами, не пользовался случаями увеличить свое состояніе на общественный счетъ, и въ государственной казнѣ оставались при немъ, за всѣми расходами, значительные остатки.

Но партіозный духъ всегда жилъ въ греческомъ государствѣ и нерѣдко производилъ довольно опасное броженіе въ народѣ. Соревнованіе и честолюбіе, эти главные мотивы греческой дѣятельности, имѣли неизбѣжнымъ слѣдствіемъ зависть, зложелательство, двуличіе и раздоры. Чѣмъ менѣе грекъ имѣлъ надобности подчиниться высшей неограниченной власти, но на всякаго склоненъ былъ смотрѣть, какъ на равнаго себѣ, тѣмъ болѣе онъ имѣлъ поводовъ враждовать и не соглашаться съ мнѣніемъ другихъ. Краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ судебныя греческія собранія. Судебныя рѣчи были очень часто направлены больше на воспламененіе страстей, чѣмъ на спокойное об-

сужденіе дѣла. Подкупность причисляютъ къ національнымъ порокамъ грековъ. Несправедливая конфискація имущества богатыхъ и тому подобныя нарушенія правъ личности также не представляютъ ничего особеннаго въ исторіи греческой юриспруденціи ¹⁾).

Нося такимъ образомъ въ самой сущности нравственныхъ воззрѣній своихъ и своего отношенія къ нравственному міру задатокъ превратнаго развитія и порчи, греческая нація, при всей свѣжести и энергіи естественнаго духа своего, должна была раздѣлить судьбу общую всѣмъ языческимъ народамъ, не опиравшимся на неизблемыхъ религиозно-нравственныхъ началахъ. Односторонній оптимизмъ и преобладаніе эгоистической точки зрѣнія были причиной легкомысленнаго отношенія къ жизни и увлеченія чувственностію; а недостатокъ религіознаго авторитета и чистыхъ понятій о божествѣ былъ причиною попраиіа всякаго другого авторитета и источникомъ суевѣрій. Но на помощь ослабѣвавшему нравственному сознанію и изнемогавшей нравственной жизни явились двѣ силы—одна практическая, а другая теоретическая. Разумѣемъ греческія мистеріи и греческую трагедію. Въ чемъ же состояла ихъ помощь, и насколько она была велика?

Тайна греческихъ мистерій до сихъ поръ остается не вполне выясненною ²⁾), и потому прежде всего о времени происхожденія и степени самобытности ихъ существуютъ

¹⁾ Чит. у Шмидта, D. Ethik d. alt. Griechen, I. Bd., s. 235—257.

²⁾ Какъ и вообще систематизированіе и объясненіе греческихъ мистерій, т. е. всей религіозной системы грековъ, составляетъ задачу будущаго времени. Слѣдующее доселѣ пока ограничивается больше собраніемъ матеріала, чѣмъ выясненіемъ, особенно филологіей, сущности мистерій. А о греческихъ мистеріяхъ одинъ изслѣдователь греческихъ древностей (Любекъ) выразился даже, что онѣ навсегда останутся неизвѣстными.

различныя мѣнія. Но если бы даже начало ихъ восходило къ глубокой древности, и они были извѣстны уже въ эпоху Гомера, притомъ какъ самобытное явленіе греческаго духа, какъ думаетъ одна часть историковъ и археологовъ ¹⁾, то и въ этомъ случаѣ мы въ правѣ смотрѣть на нихъ, какъ на существенное дополненіе къ общей и господствовавшей религіозно-нравственной жизни греческой. Въ какомъ отношеніи греческія воззрѣнія на міръ и человѣка съ ихъ натуралистически-пантеистическимъ характеромъ стоятъ къ гомеровскимъ воззрѣніямъ, въ такомъ отношеніи религіозныя мистеріи стоятъ къ обыкновенному греческому культу. Необходимо также предположить (и съ этимъ соглашаются защитники древности греческихъ мистерій), что послѣ гомеровской эпохи мистеріи были забыты; послѣ же были возобновлены, притомъ въ болѣе совершенномъ видѣ. Слѣдовательно, то, что составляетъ содержаніе мистерій, хотя и всегда содѣйствовало религіозно-нравственной жизни греческой, но въ особенности помощь его потребовалась тогда, когда нравственная жизнь грековъ начала истощаться, т. е., въ позднѣйшее время. Но есть основанія утверждать, что греческія мистеріи позднѣйшаго происхожденія и составились съ значительною примѣсью иноземнаго элемента. По крайней мѣрѣ можно доказывать позднее, сравнительно, происхожденіе главнѣйшихъ мистерій—элевзинскихъ. Молчаніе о нихъ Гомера и особенно Гезіода, родомъ беотійца, сложность мистеріальнаго культа, далекая отъ первобытной простоты, различіе во взглядахъ на загробную судьбу человѣка гомеровской эпохи сравнительно съ эпохою мистерій, присутствіе въ греческихъ мистеріяхъ посторонняго элемента, иноземнаго, и нѣкоторыя психологи-

¹⁾ Думаютъ такъ на основаніи нѣкоторыхъ сходныхъ чертъ древняго культа съ культомъ мистерій. Чит. «Религій древ. Рима» Хрисанѳа, стр. 553. 557 и дал. Въ особенности стоитъ за древность мистерій Крейцеръ.

ческія соображенія касательно возникновенія въ чловѣкѣ влеченія къ таинственному въ связи съ рѣшеніемъ глубокихъ антропологическихъ и религіозныхъ вопросовъ—все это, кажется, заставляетъ отнести появленіе мистерій къ позднему времени. А если такъ, то мистеріи можно назвать новымъ словомъ и новою попыткою въ религіозно-нравственной жизни грека, посредствомъ которыхъ онъ стремился возвыситься надъ существующимъ міровоззрѣніемъ и нравственнымъ состояніемъ своимъ и влить въ себя новую жизненную силу. И это дѣйствіе состоялось не безъ сторонняго вліянія; у Востока заимствовано то, чего недоставало Западу. А что греческія мистеріи образовались, между прочимъ, подъ иноземнымъ вліяніемъ—въ этомъ, кажется, можно не сомнѣваться. Сходство ихъ съ малоазійскими и египетскими мистеріями довольно ясно говоритъ за это¹⁾).

Первое главное значеніе греческихъ мистерій состоитъ въ томъ, что онѣ оживили и уяснили идею безмертія. У Пиндара, Эсхила, Софокла, Платона и другихъ писателей найдемъ восхваленіе Деметры, мистеріальной богини, и ублаженіе тѣхъ, которые исходили изъ сей жизни посвященными въ таинство и потому исполненными надеждъ на счастливое будущее²⁾. Въ эпоху Гомера греки были настолько заинтересованы земною жизнью, что почти совсѣмъ не хотѣли думать о жизни загробной, и настолько цѣнили и довольствовались земною жизнью, что загробную жизнь представляли въ самомъ мрачномъ и неутѣшительномъ видѣ. Самая бѣдственная жизнь на землѣ предпочиталась состоянію за гробомъ. Ахиллу желательнѣе быть поленщикомъ на землѣ, чѣмъ царемъ въ

¹⁾ Иноземное происхожденіе мистеріальнаго греческаго культа въ особенности доказываетъ Деллингъ, Heidenthum und Iudenthum.

²⁾ Чит. у Шписса, *Entwicklungsgechichte d. Vorstellungen vom Zustande nach d. Tode*, s. 311—313.

подземномъ царствѣ¹⁾. Пребываніе въ подземномъ царствѣ страшно для грека прежде всего потому, что въ этомъ царствѣ очень мало, почти совсѣмъ нѣтъ, жизни. Безжизненное же состояніе было для грека столь же противно, какъ для индійца—жизненное. Жизнь и судьба души поставляются у Гомера въ такую тѣсную зависимость отъ тѣла, что со смертію послѣдняго прекращается личная самостоятельная жизнь. Хотя душа не переходитъ въ чистое ничто, но она становится похожею на тѣнь (εἴδωλα); аидъ (жилище умершихъ) есть мрачное и печальное царство тѣней. Что и у Гомера есть предчувствіе безсмертія, можно умозаключать уже на основаніи существовавшего въ его время обычая приносить жертвы предкамъ и сохранять почитательную память о нихъ; но еще яснѣе видно это изъ такихъ мѣстъ „Одиссеи“, каково посѣщеніе Лаертидомъ преисподней, въ которой онъ встрѣчается съ цѣлыми сонмами отшедшихъ дупъ, начиная съ древнѣйшихъ греческихъ царей и оканчивая только что скончавшимся спутникомъ своимъ Электоромъ²⁾. Но предчувствіе это настолько темное и слабое, что умершая мать Одиссея ускользаетъ отъ сына въ преисподней, какъ „сонная мечта“, такъ какъ у нея нѣтъ органовъ (φρένας) для мыслителей и чувствительной жизни³⁾, и настолько матеріалистическое, что тѣни преисподней начинаютъ оживать и приходить въ сознаніе только тогда, когда испіютъ отъ крови, къ которой онѣ инстинктивно влекутся. Но если бы въ преисподней и была жизнь, то она не могла бы быть на радость и счастье отшедшимъ душамъ уже потому, что „аидъ“ представлялся вмѣстилищемъ всѣхъ безъ различія умершихъ, какого бы нравственного состоянія и

¹⁾ Одиссея, XI, 488—490.

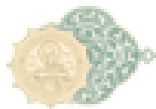
²⁾ Одиссея, II, 51. 225—329. 385—630.

³⁾ Одис. II, 205—208. 221. 222.

Труды Киевск. дух. акад. Т. II, 1904 г.

заслугъ они ни были. Слѣдовательно, идея воздаянiя была совсѣмъ неразвита. А такъ какъ „адъ легче разрисовать, чѣмъ небо“ (что на опытѣ показалъ, говоритъ Шопенгаузеръ, Данте), то и преисподняя, общее сборное мѣсто всѣхъ умершихъ, естественно, должна была выйти у грековъ, какъ и у другихъ народовъ, мрачною и безотрадною. Въ человѣкѣ больше естественнаго чувства вины, чѣмъ чувства заслуги; и чѣмъ свѣтлѣе онъ представляетъ себѣ жизнь земную, тѣмъ печальнѣе должна была казаться ему жизнь загробная. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гомеровыхъ произведенiй жизнь загробная представляется совершеннѣе земной и упоминается о такъ называемыхъ „елисейскихъ поляхъ“ или островахъ блаженныхъ, но этой участи удостоиваются только герои или полубоги (напримѣръ, Менелай), составляющiе исключенiе. Исключенiе составляютъ и тѣ, которые попадаютъ въ „тар-таръ“, преисподнюю часть айда; они суть или преодолѣнные противники боговъ—титаны, или особенно великiе преступники (Сизифъ, Танталъ, Титiй). Удѣлъ же массъ умирающихъ, т. е., судьба человѣчества вообще—безразличный и туманный айдъ.

Только въ мистерiяхъ просвѣтленъ взглядъ на судьбу умирающихъ. Здѣсь умирающiй не лишается личнаго сознанiя за гробомъ и не остается, если достоинъ, въ мрачномъ айдѣ, но воскресаетъ къ новой, лучшей жизни. Уже Орфей, миѳическiй основатель орфическихъ мистерiй, находившихся въ тѣсной связи съ мистерiями элевзинскими, представляется нисходящимъ въ область айда, чтобы вывести изъ этого мрачнаго царства блуждающихъ безжизненныхъ тѣней свою жену, Евредикку. Но особенное значенiе по отношенiю къ безсмертiю получаютъ мистерiальныя божества—Деметра и Персефона, Дiонисъ Загрей и Якхъ. Похищенiе дочери Деметры Персефоны подземнымъ богомъ Плутономъ, печаль и сѣтованiе Деметры, ея магическiя дѣйствiя и очищенiя въ огнѣ сына царя Келеоса Демофонта, возвращенiе изъ айда Персефоны,

смерть Діониса и возвращеніе изъ сердца его Якха—все это изображеніе негибнущей человѣческой сущности, ея прохожденія сквозь горнило земныхъ и загробныхъ страданій и очищеній и возникновенія къ новой жизни. Будучи въ началѣ олицетвореніемъ хлѣбнаго зерна, бросаемаго въ землю, разлагающагося и дающаго ростокъ, Деметра является въ мистеріяхъ аллегоріей смерти и загробной жизни. Очень можетъ быть, что уже посредствомъ испытаній поступающихъ въ число адептовъ мистерій, состоящихъ въ томъ, что среди глубокаго мрака вдругъ представлялись взору и слуху то ужасные и никогда невиданные формы и звуки какихъ-то чудовищъ, сопровождаемые трескомъ грома и блескомъ молніи, то роскошныя и плѣнительныя картины весенней природы съ группами играющихъ и танцующихъ среди обильнаго и ласкающаго глаза свѣта, имѣлось въ виду предобразить загробное состояніе человѣческой души то въ свѣтлыхъ обителяхъ неба, то въ мрачныхъ жилищахъ ада. Сцены дополнялись явленіемъ боговъ и богинь, изрекающихъ то проклятіе, то благословеніе. Небо и адъ расписывались, какъ и у другихъ языческихъ народовъ чувственными чертами и земными красками. Въ адѣ клокочетъ огненный, иссушающій умершихъ, потокъ, есть и другія рѣки и озера, стенающія ревомъ скорби и страданій, растутъ черныя и тяжелыя на видъ деревья, и въ числѣ ихъ символическая ракета, разбросаны дикія и удручающія созерцателя роци, наполненные чудовищами, неустанно преслѣдуютъ жителей ада эриніи и т. д.; въ небѣ же или елисейскихъ поляхъ нѣтъ ни жары, ни холода, ни бури, ни непогоды, но всегда сіяетъ величественное солнце, разливающее живительный и плѣнительный свѣтъ. Но и въ описаніяхъ, впрочемъ, ада греки остаются вѣрными себѣ, какъ народъ эстетическій; здѣсь нѣтъ такихъ вычурныхъ и противныхъ естественному чувству сценъ, какія встрѣчаются, напримѣръ, при изображеніи ада индійцами. Но

образовалось свойственное послѣднимъ ученіе о душепреселеніи, съ цѣлю очищенія души, принадлежащее Пивагору.

Если, такимъ образомъ, уже ученіемъ о безсмертіи мистерія сдѣлали существенное дополненіе къ господствовавшимъ въ Греціи религіи и нравственности, то еще меньше сродны были, но тѣмъ не менѣе введены мистеріями въ нравственную практику греческую, начала аскетизма. Адепты мистерій воздерживались отъ нѣкоторыхъ сортовъ рыбы, мяса, растений, соблюдали постъ, охраняли себя отъ нѣкоторыхъ оскверняющихъ предметовъ и т. д. И все это имѣло несимволическое только значеніе (какъ, напримѣръ, запрещеніе ѣсть плоды гранаты), но и аскетическое и очистительное. Очищенія совершались посредствомъ окропленій и омовеній. Слѣдовательно, здѣсь мы снова усматриваемъ въ мистеріяхъ пробужденіе серіознаго сознанія нравственнаго зла и вины. Можно находить здѣсь и зерна дуалистическаго ученія объ отношеніи между чувственностью и духомъ и даже того пивагороваго и платоноваго представленія, что земной міръ есть темница, въ которую заключена душа для наказанія и исправленія. Довольно ясно сказалось это въ нѣкоторыхъ чертахъ мистеріанскаго Діониса, который умерщвляется титанами, производитъ изъ сущности своей высшую, духовную природу человѣка, между тѣмъ какъ изъ праха пораженныхъ молніей титановъ образована низшая, чувственная сторона, и, наконецъ, освобождаетъ человѣческія души отъ грѣха и смерти, порожденныхъ злымъ началомъ. Эти новыя для гомеровской эпохи идеи, залагавшія прочное основаніе вѣрѣ въ освобожденіе отъ всякаго бѣдствія и въ загробную блаженную жизнь, сильно возбуждали греческіе умы и производили то, что въ Афинахъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ древнихъ писателей ¹⁾, цѣлыми массами устремлялись къ соучастію въ

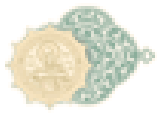
¹⁾ См. у Деллингера, стр. 172 и 175.

элеазинскихъ мистеріяхъ, такъ что непринимавшіе участія въ нихъ составляли почти исключеніе и подавали поводъ заподозривать ихъ въ религіозной неблагонадежности. Хотя сочувствіе грековъ мистеріямъ отчасти объясняется живымъ орхестическимъ характеромъ мистеріальнаго культа, восхищавшимъ и плѣнявшимъ юношеское греческое чувство, но болѣе глубокая причина сочувствія имъ заключается въ указанномъ сейчасъ обстоятельстве. Вообще же религіозныя мистеріи, какъ и сходныя съ ними по таинственному значенію и эффектному впечатлѣнію оракулы, глубоко срослись съ греческою націей, надолго сохранились въ ней и производили огромное своеобразное вліяніе на нравственную жизнь.

Съ перемѣной взгляда на земную жизнь, какъ на поприще беззаботной и веселой естественной жизни, и съ омраченіемъ ея свѣтлаго горизонта туманными образами грѣха, вины и наказанія естественно должно было нѣсколько омрачиться господствовавшее доселѣ оптимистическое міровоззрѣніе и уступить часть мѣста своего пессимистическому воззрѣнію. Но еще больше омрачилось оптимистическое міровоззрѣніе знаменитою греческою трагедіей, составившею эпоху въ исторіи духовной жизни Греціи. Нельзя сказать, чтобы трагизмъ жизни не предощунился и Гомеромъ; ни оптимизмъ, ни пессимизмъ никогда не могутъ быть проведены въ чистомъ видѣ своемъ. Въ „Иліадѣ“ встрѣчаются даже весьма рѣзкія сужденія на счетъ суетности челонѣческой жизни; на примѣръ, „изъ всѣхъ существъ, живущихъ и ползающихъ по землѣ, самое несчастное —человѣкъ“. Но такія сужденія изолированы и мимолетны въ гомеровской эпохѣ; они не омрачаютъ свѣтлаго горизонта этой эпохи. Серіознѣе и сумрачнѣе взглядъ на жизнь у Гезіода, ближайшаго къ Гомеру поэта. Его „Труды и дни“ звучатъ инымъ тономъ и отличаются инымъ характеромъ. Гезіодъ различаетъ въ міротеченіи нѣсколько періодовъ, которые послѣдовательно называются имъ, по степени совершенства, золотымъ, серебря-

нымъ, мѣднымъ и желѣзнымъ; въ желѣзномъ вѣкѣ жилъ самъ Гезіодъ. Жалуется, что онъ „не умеръ раньше, или не родился позже“, а живетъ именно въ тяжелый желѣзный вѣкъ. Нравственныя предписанія Гезіода отличаются отъ гомеровскихъ практическимъ характеромъ. Если у Гомера мотивомъ доброй дѣятельности было, главнымъ образомъ, неудержимое стремленіе къ славѣ, то у Гезіода мотивомъ ея являются воздаяніе со стороны боговъ и людей и польза. Рыцарскія добродѣтели древнихъ временъ уступаютъ мѣсто мирнымъ добродѣтелямъ гражданской жизни—справедливости и труду. Замѣчательно, что Гезіодъ высоко цѣнитъ трудъ, какъ добродѣтель („Трудись и персей, божественный потомокъ, чтобы житницы твои были полны и чтобы любила тебя Церера въ прекрасномъ вѣнкѣ“; „Не трудъ, а праздность—стыдъ... и т. д.“); между тѣмъ послѣ него досугъ сдѣлался почетнымъ признакомъ свободного гражданина; а до него вся честь полагалась въ воинскихъ доблестяхъ. А справедливость, помѣщенная имъ во главѣ добродѣтелей, такое же мѣсто занимаетъ впоследствии въ греческой философіи. Гезіодъ предзнаменовалъ греческую философію и рефлексивнымъ характеромъ своей морали. Между тѣмъ какъ у Гомера нравственныя правила разсѣяны подъ формою наивныхъ повѣствованій и описаній, у Гезіода есть уже нравственныя разсужденія, хотя далекія отъ системы. Неудивительно потому, если Циглеръ рѣшился назвать Гезіода „творцомъ этики, какъ науки“ („конечно въ самой первоначальной формѣ“). Онъ призналъ за Гезіодомъ и то преимущество, что онъ „отдѣлилъ мораль отъ религіи и отъ чисто практическихъ, хозяйственныхъ, навигаціонныхъ и политическихъ предписаній“¹⁾.

¹⁾ Geschichte d. Ethik, 1 Abth., 1882, s. 22.

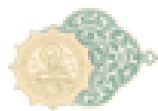

Но специально и систематически трагизмъ жизни проведенъ у греческихъ драматурговъ Эсхила, Софокла и Эврипида, которымъ слѣдуетъ предпослать лирика Пиндара, проложившаго путь имъ предвозвѣстившаго развитія ими идеи. Значеніе этихъ поэтовъ велико въ томъ отношеніи, что они были выразителями настроенія народной жизни своего времени, по крайней мѣрѣ лучшей части ея, и, въ свою очередь, представляли свои произведенія для публичнаго разыгрыванія на театральной сценѣ, и, слѣдовательно, имѣли огромное воспитательное вліяніе; а, съ другой стороны, не напрасно называютъ греческихъ поэтовъ первыми философами Греціи. Не напрасно также иногда сравниваютъ греческихъ трагиковъ съ еврейскими пророками. Какъ тѣ, такъ и другіе заслоняли оптимистическое міровоззрѣніе пессимистическимъ, возвѣщая судъ и наказаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ углубляли и усовершенствовали взглядъ народа на міръ и жизнь. Можно также поставить греческую трагедію въ параллель съ такими произведеніями еврейской хокмической литературы, какъ книга Екклесіастъ, или Іова. Основная мысль книги Екклесіастъ—„суета суеть все суста“ или изреченіе книги Іова—„проклятъ день, въ который я родился“, „нагимъ вышелъ изъ утробы матери, нагимъ и отойду“ весьма сродны съ изреченіемъ Софокла въ виду нескончаемыхъ страданій Эдипа—„самое великое изъ всѣхъ желаній—никогда не быть рожденнымъ, а если рожденъ, то второе—какъ можно скорѣе отойти туда, откуда пришелъ“, или Эврипида—„не рождаться лучше, чѣмъ жить“, или Теогниса—„не существовать и никогда не видѣть солнца, посылающаго лучи, это было бы для земнороднаго самое лучшее; а если онъ родился, то тотчасъ бы пройти воротами аида и тихо лежать подъ грудой праха“.

Основная мысль, около которой вращаются всѣ произведенія греческихъ трагиковъ, это человѣческая вина и неиз-

бѣжно слѣдующее за ней наказаніе. Потрясенія, произведенныя персидскими войнами, представляли достаточно внѣшнихъ поводовъ къ занятію этою темой и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывали греческую націю къ возрожденію и новой жизни. Другими словами—трагики ратовали за нравственный міропорядокъ. Потому они прежде всего старались очистить и возвысить народное представленіе о божествѣ. Они вооружаются противъ гомеровскаго представленія о богахъ съ человѣческими слабостями и недостатками и такимъ образомъ устраняютъ вредное вліяніе греческой міѳологіи на нравственность. Нельзя, правда, не согласиться, что есть нѣчто истинное въ разсужденіи тѣхъ моралистовъ, которые не признаютъ или по крайней мѣрѣ ослабляютъ вредное вліяніе греческой міѳологіи на нравственность. „Благочестивый грекъ и вѣрующій народъ“, говорить, напримѣръ, Циглеръ, „не соблазняются недостойными представленіями міѳовъ о богахъ; они не разсуждаютъ о безнравственномъ содержаніи міѳовъ, а вѣрують въ него, какъ въ своего рода мистерію. Если Зевсъ лжетъ, обманываетъ и прелюбодѣйствуетъ, то все-таки онъ есть и богъ вѣрности и клятвы, покровитель семейнаго права и патронъ брачной жизни, начало всякаго порядка и другъ всякаго добраго права“. Потому, „представленіемъ о зависти боговъ благочестивый грекъ никогда не стапетъ пользоваться для оправданія собственныхъ завистливыхъ дѣйствій, а только будетъ усматривать въ немъ мысль о божескомъ наказаніи человѣческаго высокомерія,—подобно тому, какъ благочестивый еврей въ гнѣвѣ Іеговы только предчувствуетъ святость своего Бога“ ¹⁾. И вотъ разсужденіе Дельфа: „я рѣшительно отвергаю, что міѳологическіе разсказы о сладострастныхъ и прелюбодѣйныхъ богахъ могутъ возжигать и освящать сладострастныя пожеланія

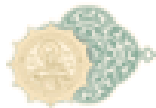
¹⁾ Geschichte d. Ethik, s. 16. 17.

въ человѣкѣ. Конечно, если похоть уже была жива и дѣятельна въ человѣкѣ, тогда онъ можетъ софистически искать въ страстныхъ образахъ боговъ основанія для оправданія своихъ дурныхъ пожеланій. Но непредзанятое чувство отнюдь не будетъ соблазнено этими образцами на грѣхъ; въ наивномъ настроеніи своего духа оно будетъ чувствовать, что среди боговъ господствуютъ законы и условія другого міра, и, слѣдовательно, отъ боговъ не будутъ дѣлаемы заключенія и примѣненія къ человѣческимъ отношеніямъ. Если Каинъ и Сифъ вступали въ бракъ, по библейскому сказанію, съ своими родными сестрами, то никто изъ христіанскихъ апологетовъ не соблазняется этимъ сказаніемъ. Почему? Потому, что эти лица представляютъ собою корни дерева человѣчества, законы для нихъ существовали не такіе, какъ для развитого и распространеннаго человѣчества¹⁾. Дѣйствительно такъ, если судить о дѣлѣ объективно, и если не религіей опредѣлять нравственность, а нравственностью—религію, вообще поставлять религію и нравственность въ индифферентное отношеніе между собою. Но если сообразимъ, что предметъ религіи не праздно только созерцается, но и переводится въ чувство и сообщаетъ непосредственно норму для человѣческихъ дѣйствій,—что не всѣ люди „благочестивы“ и „вѣрующіе“, съ „непредзанятымъ чувствомъ“, съ „похотью мертвою и недѣятельною“,—что соблазнительные поступки и приключенія боговъ во всякомъ случаѣ затрогиваютъ и электризуютъ фантазію, а фантазія находится въ какомъ-то магическомъ отношеніи къ похоти и страсти,—и особенно въ позднѣйшее время, съ вырожденіемъ наивной дѣтской вѣры, греки расположены были усматривать въ мифологіи не столько священную и неприкосновенную мистерію, сколько обычную реальную исторію,

1) Cult. и Rel., s. 354.

или же плѣнительныя картины поэзіи,—что, наконецъ, греки, какъ извѣстно, не держали себя въ почтительномъ отдаленіи отъ своихъ боговъ, подобно восточнымъ народамъ, а дружились съ ними, людей возводили въ сонмъ боговъ и боговъ представляли по образцу человѣческихъ отношеній, слѣдовательно, очень легко могли „законы одного міра переносить въ другой“,—то не усомнимся признать и вредное вліяніе греческой міеологіи на нравственность. Не напрасны жалобы Пипдара, Ксенофонта, Гераклита, Платона и другихъ поэтовъ и философовъ. Возстановляя въ греческомъ народѣ сознаніе нравственнаго міронорядка, трагики вооружались и противъ того представленія о божествѣ, что оно есть слѣпая сила обыкновенно называемая судьбой, или же безусловно подчинено этой высшей слѣпой силѣ. Представленіе темной и непреодолимой судьбы (μοῖρα), господствующей надъ божескимъ и человѣческимъ мірами, проходитъ чрезъ всю гомеровскую эпоху. Хотя интересы эпической поэзіи требовали выводить на сцену ближайшіе и живые мотивы дѣятельности, именно волю боговъ и героевъ, но подчиненіе боговъ судьбѣ и безсиліе ихъ предъ послѣднею ясно видны изъ того, что Зевсъ пользуется вѣсами судьбы и по ихъ указаніямъ направляетъ свои вѣдѣнія,—что онъ изрекаетъ беспомощную жалобу при смерти своего сына (Сарпедона),—что Аѳина вообще признается въ невозможности для боговъ сохранить отъ смерти своихъ любимцевъ,—и что смерть Патрокла, Гектора и Ахилла дѣйствительно случилась противъ воли боговъ, и т. п. Мало того, напряженіемъ своихъ силъ человѣческіе герои иногда производятъ то, чего не могли достигнуть боги, и, слѣдовательно, являются иногда могущественнѣе боговъ въ отношеніи къ судьбѣ. Ничего подобнаго не найдемъ у позднѣйшихъ поэтовъ. У нихъ человѣку принадлежать только благоговѣніе и страхъ предъ божествомъ, какъ предъ высочайшею и могущественною силою. Судьба и воля личнаго Зевса по возможности отоже-

ствляются. Всѣ прочіе боги, нерѣдко расхोдившіеся и враждовавшіе между собою и съ Зевсомъ у Гомера, теперь поставляются въ строгое подчиненіе Зевсу и служатъ органами его нравственнаго міропорядка. Хотя множество боговъ, конечно, не отвергается, но тѣмъ не менѣе замѣтно стремленіе къ монотеизму. Эсхилова трилогія („Агамемнонъ“, „Хосфоры“ и „Эвмениды“) можетъ служить лучшимъ подтвержденіемъ высказанныхъ сейчасъ мыслей. Различіе же между Эсхиломъ и Софокломъ въ нравственномъ міровоззрѣніи состоитъ въ томъ, что грозное правосудіе Эсхила смягчается у Софокла милостію; насильственное дѣйствіе божественнаго величія уступаетъ мѣсто болѣе свободному и спокойному теченію человѣческой жизни и ея судебъ по высшей нравственной нормѣ; грѣховная вина, производимая Эсхиломъ больше изъ какого-то таинственнаго и непонятнаго основанія божескаго или человѣческаго бытія, яснѣе сознается у Софокла дѣломъ человѣческаго рода, и потому дѣти должны искупать вину отцевъ; наконецъ, Эсхилковы мотивы страсти уступаютъ мѣсто сознательности и красотѣ дѣйствій. Пиндаръ изображаетъ въ лирической формѣ то, что Эсхиль—въ драматической. А Эврипидъ уже является совершеннымъ раціоналистомъ по отношенію къ греческой міеологіи и высказываетъ мысль, что и „красота смертна“, т. е., подкапывается подъ высшій греческій идеаль.

Но могли ли спасти грековъ мистеріи и трагическая поэзія отъ нравственнаго разложенія? Что не могли спасти ихъ мистеріи, это ясно изъ того, что они въ самихъ себѣ носили зерно нравственнаго разложенія. При стремленіи къ пластичности и подражанію во всѣхъ подробностяхъ миоическимъ приключеніямъ мистеріальныхъ божествъ мистеріямъ были усвоены въ концѣ концовъ самыя грубыя чувственныя формы; а аскетическія упражненія были доведены до восточныхъ самобичеваній. Вообще, страстность, оргіазмъ

составляли характеристическую черту мистеріального культа ¹⁾. И отсюда становятся понятными разнорѣчивыя сужденія языческихъ писателей и христіанскихъ апологетовъ о греческихъ мистеріяхъ, поставляющихъ нѣкоторыхъ въ затрудненіе—какъ думать и судить о нихъ? Между тѣмъ какъ одни отзываются о нихъ восторженно (особенно Софокль и Платонъ) и почти въ нихъ только видягъ средство спасенія, другіе, особенно христіанскіе писатели, даже такіе, какъ Климентъ Александрійскій, говорятъ о нихъ весьма неблагопріятно и считаютъ ихъ источникомъ нравственной распушенности ²⁾. Первые очевидно имѣютъ въ виду идею мистерій, а послѣдніе—формы ея.

Надо вообще замѣтить, что развратъ и жажда чувственныхъ наслажденій составляютъ первую характеристическую черту нравственнаго разложенія греческой націи. Педерастія, гетеры, нравственная неустойчивость даже такихъ свѣтилъ, какъ Перикль, вотъ плоды ея. Развились въ то же время жестокость, страсть къ спорамъ, суевѣрія, и т. д. Ихъ осмѣиваютъ комики.

Не могла спасти грековъ и трагическая поэзія, такъ какъ, во первыхъ, она не дошла до познанія истиннаго Бога; а во-вторыхъ, поэзія больше шла теоретическимъ путемъ, а жизнь—своимъ чередомъ, практическимъ. Еще больше отрѣшилась отъ жизни и отдѣлилась отъ нея греческая философія.

М. Олесьницкій.

¹⁾ Чит. Религіи Хрисанова, стр. 550 и др.

²⁾ Чит. г. Дедюхиной, *Heid. et Luc. s. 112—120.*
 Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинаріей;
<http://kdais.kiev.ua>